

НАРОДОПРАВСТВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

1917 г.

9 Августа.

№ 6

СОДЕРЖАНИЕ.

Н. БЕРДЯЕВЪ. ГЕРМАНСКІЯ ВЛІЯНІЯ И СЛАВЯНСТВО.

ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.
ПР.-ДЦ. А. САККЕТИ. АНАРХИЗМЪ И СОЦІАЛИЗМЪ.

С. С. КОНДУРУШКИНЪ. ОТЕЧЕСТВО.

ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. ВОЙНА И СУДЬБЫ МОНАРХІИ.

ПР.-ДЦ. Н. Н. ФЮЛЕТОВЪ НОВОЕ МОСКОВ-

СКОЕ САМОУПРАВЛЕНІЕ И МЕЛКАЯ ГОРОДСКАЯ ЕДИНИЦА.

ПР.-ДЦ. Ю. В. КЛЮЧНИКОВЪ. ПО РОССИИ.

Б. САВИНИЧЪ. ВНѢШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ.

Н. М. ЮРДАНСКІЙ. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Б. С. ХРОНИКА ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

НА ОДИНЪ МѢСЯЦЪ—1 Р. 20 К., НА ТРИ МѢСЯЦА—3 РУБ. ЦѢНА ОТДѢЛЬНАГО НУМЕРА—30 К.
ОБЩЕСТВЕННЫЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКІЯ ОРГАНИЗАЦІИ ПОЛЪЗУЮТСЯ КРЕДИТОМЪ И ЛЬГОТНЫМИ
УСЛОВІЯМИ ПРИ ВЫПИСКѢ НЕ МЕНѢ СТА ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ.

Адресъ конторы:

Москва. Б. Дмитровка, 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

Адресъ редакціи:

Москва. Солянка, д. 1, кв. 88.
Тел. 3-97-14.

Отдѣленіе конторы въ Петроградѣ:
Невскій, 100. «Посредникъ печати».

Цѣна 30 коп.

ГЕРМАНСКІЯ ВЛІЯНІЯ И СЛАВЯНСТВО.

I.

Борьба партій и классовъ, политическія и социальныя страсти многихъ заставляютъ забывать, что русская революція протекаетъ въ атмосферѣ страшной войны и что всѣ партійныя группировки съ ихъ громкими лозунгами совершаются подъ давлениемъ войны. Партіи съ ихъ программами и тактиками не могутъ сейчасъ предстать въ чистомъ видѣ, всѣ онѣ не таковы, какими были бы въ мирное время, въ спокойныхъ условіяхъ политической дѣятельности и социального реформирования общества. Въ нынѣшней трагической моментъ русской истории всѣ партіи опредѣляются прежде всего своимъ отношеніемъ къ войнѣ и къ международной политикѣ. Реально въ Россіи сейчасъ существуютъ только двѣ партіи—партія патриотовъ, желающихъ спасти родину, не потерявшихъ здороваго національнаго и государственнаго чувства, сознающихъ отвѣтственность за все будущее Россіи, и непатриотовъ, отрицающихъ самостоятельную цѣнность національности, равнодушныхъ къ родинѣ, къ ея чести и достоинству, предающихъ ее или изъ фанатической приверженности отвлеченнымъ утопіямъ и ложнымъ интернационалистическимъ идеямъ, или изъ низкой корысти и продажности. Дѣленіе на партіи «буржуазныя» и «социалистическія» сейчасъ имѣетъ лишь словесное значеніе, это—условная фразеология. Плехановская социалистическая группа «единства» признана «буржуазной» исключительно за ея патриотическую дѣятельность. А элементы черносотенные, скрывающіеся подъ маской большевизма, готовы признать «социалистическими» за ихъ антипатриотическую дѣятельность. Дѣло тутъ совсѣмъ не въ социализмѣ, взятomъ по существу. Серьезный разговоръ о социализмѣ исторически несвоевремененъ и неумѣстенъ. Не до социализма теперь русскому народу и русскому государству, не до жиру, быть бы живу. Можно признавать нѣкую правду социализма, но въ данный историческій часъ я буду за всякую партію и за всякій классъ, которые будутъ настроены патриотически и национально, будутъ спасать родину отъ гибели. Только такія партіи и такіе классы могутъ быть признаны истинно прогрессивными. Антипатриотическій, антинациональный, антигосударственный социализмъ глубоко реакционенъ, для него не будетъ мѣста въ будущей свободной Россіи. Русский революціонный социализмъ у насъ нравственно провалился и опозорился, потому что онъ оказался не патриотическимъ, не национальнымъ и не государственнымъ въ моментъ величайшей опасности для родины, и на него легла зловѣщая тѣнь германскаго вліянія. Русский интернационализмъ есть изнанка германскаго империализма. Это—объективно такъ, независимо отъ субъективнаго сознанія отдѣльныхъ интернационалистовъ, которые могутъ быть искренно увлечены этой идеей. Патриотическая дѣятельность Керенскаго за послѣднее время не характерна для нашего революціоннаго социализма. Много характернѣе г. Черновъ или меньшевикъ-интернационалистъ Мартовъ, не говоря уже о большевикахъ. Все время слѣдуетъ помнить, что партіи у насъ въ значительной степени представляютъ фикции, партійные ярлыки—условные знаки. За этими знаками скрывается реальная борьба, совсѣмъ не то означающая, что выражено въ словахъ.

Интернационализмъ на русской почвѣ есть германизмъ, русский пассивизмъ есть германское разслабленіе русской національной воли. Къ чему привели интернационалистическія и пассивистскія идеи на русской почвѣ? Онѣ поколебали единство русскаго государства, убили въ народѣ нашемъ чувство національнаго сцѣпленія, деморализировали и распылили русскую армию, подорвали всякое довѣріе къ намъ союзниковъ, довели Россію до униженія и позора. Плоды интернационализма горьки для Россіи, но очень сладки для Германіи. Германскія вліянія не слѣдуетъ непременно понимать, какъ подкупъ, шпionaжъ и предательство русскихъ. Не мало у насъ оказалось предателей, продававшихъ свое отечество и провозглашавшихъ германскіе лозунги, были они и при старомъ строѣ и при новомъ. Но не это существенно. Самое важное то, что слишкомъ многіе русскіе находятся подъ духовнымъ вліяніемъ германизма, внутренне отравлены его ядомъ, одержимы бѣсами, выпущенными германцами противъ Россіи, потеряли свое національное обличье. Русский народъ не только матеріально ослабленъ въ своей борьбѣ съ Германіей, но онъ прежде всего духовно ослабленъ, онъ не сознаетъ своей *идеи* въ мировой борьбѣ, не собралъ своихъ духовныхъ силъ для несенія тѣхъ жертвъ и испытаний, которыми эта борьба сопровождается. Въ страшную минуту, рѣшающую судьбу народа, когда соединилась война съ революціей, у русскаго народа нѣтъ своего *слова*, онъ говоритъ на чужомъ языкѣ, произноситъ чужія слова—«интернационализмъ», «социализмъ» и т. д., искажая европейскій смыслъ этихъ словъ, выговаривая ихъ на ломаномъ языкѣ. У русскаго народа могло бы быть и должно было бы быть свое слово въ тотъ историческій часъ, когда разыгралась страшная борьба міра славянскаго и міра германскаго. Но пассивность и женственность русскаго народа, его подверженность чужимъ вліяніямъ мѣшаетъ ему сознать свою идею и выговорить свое слово. Германіи необходимо было, чтобы въ часъ борьбы страсть классовая побѣдила въ русскомъ народѣ страсть национальную, а эти двѣ страсти—основныя въ жизни народовъ.

II.

Германскій духъ, мужественный и насильническій, поработилъ русскую душу раньше, чѣмъ началъ поработать тѣло Россіи. И дѣйствовалъ онъ разными путями. Соблазнъ интернациональной социаль-демократіи былъ однимъ изъ путей онѣмеченія и поработенія души Россіи, обезличенія русской интеллигенціи. Но для самой Германіи эта интернациональная социаль-демократія оставалась национальной и была однимъ изъ выраженій германской идеи. Всѣмъ тѣмъ, которымъ такое утвержденіе можетъ показаться неоправданнымъ, советуемъ перечитать хотя бы замѣчательную книгу К. Маркса «Революція и контр-революція въ Германіи». Книгу эту мало знаютъ и помнятъ. Какой сильный и острый умъ, какой блестящій публицистическій талантъ! Какъ могъ этотъ оригинальный и острый умъ породить всѣхъ этихъ сѣрыхъ марксистовъ, которыхъ нельзя отличить другъ отъ друга? Впрочемъ, породилъ же Толстой толстовцевъ! Марксъ говоритъ сильнымъ и властнымъ языкомъ германскаго империализма, въ немъ нѣтъ и слѣдовъ гуманитарнаго интернациона-

лизма и пасифизма. Онъ прекрасно сознаетъ расовое призваніе германцевъ цивилизовать славянскій востокъ, въ германизации славянъ онъ видитъ прогрессивный революционный процессъ и даетъ почти классическія формулы германскаго империализма. Германская раса—высшая; славянская раса—низшая. Высшая раса имѣетъ право завоевывать, колонизовать и цивилизовать низшую расу. Самоопредѣленіе низшихъ національностей есть реакционная попытка. Какъ далеко Марксъ отъ декламации его учениковъ на тему: «безъ аннексій и контрибуцій» и «свободное самоопредѣленіе народностей». Марксъ исходитъ изъ того, что «со времени Карла Великаго нѣмцы постоянно направляли упорныя усилія на завоеваніе, колонизацию или, по крайней мѣрѣ, цивилизованіе европейскаго востока». («Революція и контръ-революція въ Германіи», стр. 79). Объ освободительныхъ попыткахъ поляковъ онъ говорилъ: «Однако было еще спорно, слѣдуетъ ли цѣлыя области, населенныя преимущественно нѣмцами, и большіе совершенно нѣмецкіе города уступить народу, ничѣмъ не доказавшему своей способности выйти изъ феодальнаго состоянія». (стр. 80). О чешскихъ освободительныхъ стремленіяхъ онъ говоритъ: «Богемія впредь можетъ существовать лишь въ качествѣ составной части Германіи, хотя бы часть ея населенія продолжала въ теченіе еще нѣсколькихъ вѣковъ говорить не на нѣмецкомъ языкѣ». (Стр. 82). Вотъ какъ характеризуетъ Марксъ стремленіе къ объединенію и освобожденію славянъ: «Зародилось въ рабочихъ кабинетахъ нѣкоторыхъ славянскихъ диллетантовъ исторической науки то смѣхотворное анти-историческое движеніе, которое замышляло не что иное, какъ подчиненіе цивилизованнаго запада варварскому востоку; подчиненіе города деревнѣ; торговли, промышленности, науки—примитивной агрикультурѣ славянскихъ крѣпостныхъ. Но за этой смѣхотворной теоріей стояла страшная дѣйствительность—стояла Россійская имперія, въ каждомъ движеніи которой проглядываетъ притязаніе считать Европу вотчиной славянской расы, и въ особенности единственной сильной составной части этой расы—русскихъ; та имперія, которая со своими двумя столицами—Петербургомъ и Москвой—все еще не нашла своего центра тяжести, пока Царьградъ, въ которомъ каждый русскій крестьянинъ видитъ истинную настоящую метрополию своей религіи и своей націи, не сдѣлался дѣйствительной резиденціей русскаго императора». (Стр. 83—84). Какъ видите, Марксъ не связывалъ русскаго тяготѣнія къ Царьграду съ интересами капиталистической буржуазіи, голова его не была забита трафаретами и общими мѣстами, онъ видѣлъ тутъ прежде всего тяготѣніе русскаго крестьянства съ его религіознымъ и національнымъ міросозерцаніемъ. У Маркса была серьезная ненависть къ славянству и къ Россіи, онъ былъ туркофилъ, онъ былъ нѣмецъ до мозга костей въ вопросахъ международной политики. Таковъ же былъ и старый Либнехтъ, ненавистникъ Россіи, всегда предпочитавшій турокъ славянамъ. По поводу войны съ Даніей изъ-за Шлезвига и Гольштейна Марксъ говоритъ: «Эти области, несомнѣнно нѣмецкія по національности, языку и склонностямъ, необходимы для Германіи также и для охраненія и развитія ея морскихъ сообщеній и торговли». (Стр. 86). Все это очень выдержано въ духѣ германскаго империализма. А вотъ самое характерное мѣсто: «Такъ кончились попытки гер-

манскихъ славянъ завоевать себѣ самостоятельное національное существованіе. Раздробленные остатки многочисленныхъ націй, національность и политическая жизнеспособность которыхъ давно зачахли и которыхъ поэтому уже въ теченіе тысячи лѣтъ вынуждены были слѣдовать за одолѣвшей ихъ болѣе сильной націей... Всѣ эти отживающія національности—богеми, кроаты, далматы и т. д. пытались воспользоваться всеобщей смутой 1848 года для возстановленія политическаго status quo, существовавшего до 800 года послѣ Рожд. Хр. Исторія истекшаго тысячелѣтія должна была имъ показать, что такой шагъ назадъ невозможенъ; что если вся область къ востоку отъ Эльбы и Зоалы, нѣкогда заселенная цѣлой семьей родственныхъ между собой славянскихъ народовъ, сдѣлалась нѣмецкой, то этотъ фактъ указываетъ только историческую тенденцію и вмѣстѣ съ тѣмъ физическую и интеллектуальную способность нѣмецкой націи подчинять себѣ своихъ старыхъ восточныхъ сосѣдей, поглощать и ассимилировать ихъ; что эта ассимилирующая тенденція нѣмцевъ всегда служила и еще служитъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ распространенія западно-европейской цивилизации на востокъ европейскаго континента (курсивъ мой Н. Б.)». (Стр. 116—117). «Могли ли они (панслависты), ожидать, что исторія шагнетъ на тысячу лѣтъ назадъ ради нѣсколькихъ чахлыхъ общинъ, которыя на каждой пяди обитаемой ими земли окружены со всѣхъ сторонъ нѣмцами». (Стр. 117).

III.

Кто бы подумалъ, что эти сильныя слова написаны отцомъ социаль-демократіи, а не германскимъ империалистомъ, пророкомъ интернационализма, а не германской національной идеи? Современные нѣмецкіе социаль-демократы, переродившіеся въ социаль-империалисты, какъ ихъ иронически называютъ, идутъ за своимъ учителемъ Марксомъ. Марксъ былъ достаточно уменъ, талантливъ и оригиналенъ, чтобы въ лучшія свои минуты понимать значеніе расы, чтобы сознавать свою связь съ міровымъ империализмомъ того государства и народа, на культурѣ котораго онъ выросъ и воспитался. Самъ Марксъ никогда не былъ такимъ доктринеромъ, какъ его ученики и послѣдователи. Хотя и еврей по крови, но онъ въ достаточной степени чувствовалъ себя нѣмцемъ и нѣмецкими глазами смотрѣлъ на міровыя соотношенія. И это дѣлаетъ ему честь. А мы то, дураки, думаемъ, что Марксъ былъ интернационалистомъ на гуманной подкладкѣ, что онъ хотѣлъ братства народовъ, заповѣдалъ не дѣлать «аннексій» и представлять всѣмъ народамъ свободно самоопредѣляться. Очень наивные люди всѣ эти русскіе мальчики, мечтающіе о братствѣ народовъ, о свободномъ самоопредѣленіи народностей, объ интернационализмѣ и черпающіе свое идейное обоснованіе у нѣмецкихъ социаль-демократовъ! Право же, объ этихъ русскихъ глупостяхъ не думаетъ серьезно ни одинъ нѣмецъ, хотя бы и социаль-демократъ. Марксъ одобрялъ всѣ «аннексіи», совершаемыя избранной германской расой, и не допускалъ свободнаго самоопредѣленія народностей изъ низшей славянской расы. Марксъ одобрилъ бы и «аннексированіе» всей Россіи, какъ расширеніе германской цивилизации на варварскій востокъ. Марксъ зналъ, что исторія есть суровая борьба силъ, а не гуманистическія сантимен-

тальности. У нѣмца можетъ быть идея интернационализма, но это будетъ интернационализмъ послѣ выполнения германской расой своей цивилизаторской миссии, послѣ германизации славянскаго востока и подчиненія Германіи всего ближняго востока. До достижения этой всемирной и общечеловѣческой цѣли нѣмецъ никогда не позволитъ себѣ размякнуть и распуститься отъ всякихъ сантиментальностей, отъ всякихъ отвлеченныхъ прекраснотушныхъ идей. Это онъ предоставляетъ русскимъ. Интернациональная социаль-демократія, вполнѣ нѣмецкая по своему духу. Она и является однимъ изъ германскихъ влияній, мѣшающихъ русскому народу сознать, что въ мирѣ происходитъ великая, всемирно-историческая борьба славянства и германства, двухъ враждебныхъ силъ исторіи, что славянская раса или выйдетъ изъ этой борьбы побѣдительницей, отразитъ притязанія германизма и выполнитъ свою миссію въ исторіи или будетъ унижена и отгѣснена. Въ стихіи революціи сейчасъ погасло русское и славянское сознание. И въ угашеніи этого сознания, за которымъ стоитъ здоровый расовый инстинктъ, немалую роль сыграла пропаганда нѣмецкихъ социаль-демократическихъ идей. Соціализмъ можетъ быть національнымъ, но въ Россіи социализмъ сдѣлался орудіемъ силъ, враждебныхъ нашей расѣ, онъ отклоняетъ Россію отъ исполненія ея славянскаго призванія.

Русское и славянское чувство и сознание всѣми силами должно быть пробуждено. Намъ необходима мобилизація національнаго духа. И напоминаніе о германскомъ самосознаніи Маркса очень полезно въ этомъ дѣлѣ. Германскому сознанию Маркса о мировомъ цивилизаторскомъ призваніи германской расы на востокъ мы должны противопоставить свое русское сознание о миссии славянства, которое еще не сказало своего слова миру. Мы вѣримъ, что сильная Россія дастъ большую свободу миру и всѣмъ народамъ міра, чѣмъ сильная Германія, что въ духѣ славянскомъ есть большая всемирность, чѣмъ въ насильническомъ германскомъ духѣ. Какъ ни велико значеніе русской революціи въ русской исторіи, но мировая борьба народовъ есть событіе еще болѣе по своему значенію, чѣмъ революція. Революція вызвана войной и она можетъ быть осмысленна лишь въ связи съ войной. У нѣмцевъ въ мировой борьбѣ своя идея. Есть ли идея у насъ? Русскіе проявили такую слабость, что отдали себя во власть нѣмецкой идеи. Но послѣднее наше слово еще не сказано.

Николай Бердяевъ.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ.

Листки изъ дневника.

I.

Въ іюль мѣсяцѣ 1914 года лежалъ я больно въ швейцарскомъ санаторіи.

По утрамъ ползли мимо оконъ волокнистая влажная облака, звучалъ звонкій горный рожокъ, иногда солнечные зайчики прыгали по стѣнамъ, и я, глядя на прочныя ловко сдѣланныя кресла, столы и полки съ книгами въ моей комнатѣ, думалъ о томъ, что, если бы не болѣзнь моя, можно было бы въ этомъ уютѣ работать недурно, а потомъ уходить въ горы и приѣзжать тамъ великолѣпное солнце. Но

я былъ боленъ, дышать мнѣ было трудно, я сидѣлъ въ постели, подпертый подушками, и пальцы у меня были синіе. Мѣстный докторъ, какъ я потомъ узналъ, разговаривая съ хозяйкою отеля, называлъ меня *voitre moribond*.

И вотъ однажды вошла ко мнѣ въ комнату моя жена съ газетою въ рукахъ, и вмѣсто того, чтобы, по обыкновенію, дать ее мнѣ, какъ то смущенно и нерѣшительно бросила ее на комодъ.

— Что случилось?—спросилъ я, предчувствуя почему то недоброе.

— Да такъ, странный какой то документъ опубликованъ. Только ты не волнуйся, пожалуйста.

— Давай, давай сюда,—сказалъ я, хватая синими пальцами *Journal de Genève*.

Да, это былъ воистину странный документъ. Это былъ австрійскій ультиматумъ Сербіи. У меня было такое чувство, какъ будто какой то пьяный и наглый человекъ ударилъ на моихъ глазахъ мою сестру, а у меня связаны руки, и вокругъ всѣ улыбаются не то иронически, не то съ сожалѣніемъ. О, тутъ было дѣло не въ балканскомъ вопросѣ. И не въ славянскихъ симпатіяхъ. Я вдругъ почувствовалъ, что брошенъ вызовъ всему міру. Міру? Всему міру? Да, я это чувствовалъ, но я тогда еще худо сознавалъ это. То, что это безстыдный и высокомерный вызовъ Россіи—было слишкомъ очевидно. Россія! Я почему то вспомнилъ объ Угличѣ, закрылъ глаза, и передо мною развернулась широкая даль, Волга, замаячили паруса, златоглавья церковки засіяли на синемъ небѣ. Боже мой! Какая печаль около этихъ угличскихъ церквей! Всѣ онѣ воздвигнуты, должно быть, «на крови», какъ та, что во имя царевича «убиеннаго».

Но почему это Угличъ пришелъ мнѣ на память? Отъ Углича перекинулись мысли къ Москвѣ, къ ея лѣнливой и раскидистой красотѣ; потомъ померещились мнѣ тамбовскія поля; потомъ вспомнилъ я о безпредѣльной пустынности якутской тайги; потомъ—«летающій надъ бездною» Петербургъ, безумный и чудесный... Такъ эту Россію вызываютъ на бой.

Почему я чувствую многообразную, многоликую и огромную Россію, какъ единую и живую? Что это такое—«национализмъ»? Но какъ же такъ—вѣдь, это не Московія какая-нибудь, опредѣлившаяся по принципу національнаго единства; вѣдь, это безмѣрная сложность различныхъ національныхъ образованій: тутъ и якуты, и украинцы, и грузины, и великороссы, и литовцы... И все же я чувствую всѣмъ своимъ существомъ, что Россія есть Россія. Въ ней, какъ и во мнѣ, звучитъ дивный хоръ нашихъ предковъ, которые строили великую хоромину неслучайно. Неслучайно иконописцы новгородскіе писали свои чудесныя творенія; неслучайно слагались пѣсни и сказки среди нашего южнаго степного раздолья; неслучайно Святой Сергій благословлялъ нашихъ воиновъ на защиту родной земли; неслучайно архангельскій мужикъ положилъ основанія русской наукѣ; неслучайно среди насъ явился тотъ, кто воистину «глаголомъ жегъ сердца людей»; неслучайно геній Петра открылъ намъ до него намъ самимъ невѣдомую тайну—то, что исторія наша—исторія Европы прежде всего; неслучайно, наконецъ, Достоевскій былъ русскій и судьба его—судьба поэта, бунтаря, каторжанина, порочнаго мечтателя и изступленнаго христіа-

нина—наша судьба, судьба мятущейся, падающей и дерзающей Россіи.

Но, вѣдь, это былъ июль 1914 года. Россіей правилъ ея послѣдній царь, и съ нимъ былъ его пророкъ—Григорій Распутинъ. Какой былъ соблазнъ усомниться въ народѣ и странѣ, «по-чаадаевски» отказаться вовсе отъ этой порочной рабыни, развращенной и обезчещенной петербургскими императорами.

Я перечитывалъ въ *Journal de Genève* текстъ австрійскаго ультиматума, и, чувствуя, что нѣтъ иного выхода, повторялъ роковое слово:

— Война! Война!

— Какъ же такъ?—сказала тихо жена:—Вѣдь, это невозможно. Вѣдь, мы не готовы къ войнѣ.

— Да, да! Мы не готовы къ войнѣ... Но ты знаешь, что будетъ значить наше молчаливое признаніе права Австріи на расправу съ Сербіей? Это будетъ признаніемъ нашего безсилія. Мы привыкли слагать съ себя отвѣтственность за все, какъ будто существуетъ царское правительство, а Россіи вовсе не существуетъ. Но теперь вопросъ не въ томъ—быть или не быть на російскомъ тронѣ Николаю Романову, а въ томъ владычествовать или не владычествовать надъ міромъ Габсбургамъ и Гогенцоллернамъ. Крошечная Швейцарія со своимъ французско-нѣмецко-итальянскимъ населеніемъ гордится какой то своей культурою и дорожить своимъ «*drapeau fédéral*», а мы, имѣя право на не послѣднее мѣсто среди европейскихъ народовъ, обладая безмѣрными духовными сокровищами, какъ будто стыдились того, что мы великое государство, и не рѣшаемся преградить дорогу германскимъ завоевателямъ, претендующимъ на мировую гегемонію. Страшно и ужасно, что Россіи придется воевать съ Германіей въ то время, когда царствуетъ Николай II, но я не сомнѣваюсь, что онъ будетъ послѣднимъ коронованнымъ Романовымъ, какъ бы война ни кончилась.

— Я даже больше скажу,—крикнулъ я запальчиво:—Сейчасъ менѣе страшнѣе тотъ наивный простонародный патриотизмъ, который идею отечества сочетаетъ съ романтической идеей царя,—все равно кончился императорскій періодъ нашей исторіи—это дѣло рѣшенное, слава Богу: Страшнѣе сейчасъ наше восточное пристрастіе къ «непротивленію злу насиліемъ».

Какъ извѣстно, черезъ нѣсколько дней послѣ опубликованія австрійскаго ультиматума, когда война была уже объявлена, въ Петербургѣ на площади передъ Зимнимъ дворцомъ, многотысячная толпа стояла на колѣняхъ и пѣла гимнъ. Послѣдній самодержецъ вышелъ на балконъ, страхась своей судьбы и не смѣя вывести къ народу своего пророка, который прятался въ это время въ покояхъ безумной Алисы.

То, что петербургскіе рабочіе и студенты въ июлѣ мѣсяцѣ 1914 года съ пѣніемъ «Боже, царя храни» носили по городу портретъ государя, а въ июлѣ мѣсяцѣ 1917 года кричали «да здравствуетъ социальная революція» и требовали заточенія бывшаго царя въ Кронштадскую тюрьму—факты противорѣчивые лишь на первый взглядъ: въ сущности и три года тому назадъ ни у кого не было довѣрія къ этому монарху. Патриотическая манифестація передъ Зимнимъ дворцомъ была торжественнымъ прощаніемъ съ императорскимъ періодомъ русской исторіи. Народъ прощался съ послѣднимъ неудачливымъ представителемъ той династіи, при которой немало свершилось и страшныхъ, и

преступныхъ, и безумныхъ, но иногда и великихъ событій. Народъ инстинктивно почувствовалъ, что двѣсти лѣтъ петербургскаго періода были эпохою нашего государственнаго самоопредѣленія, не національнаго только. Петръ Великій какъ будто простеръ свое вліяніе на два столѣтія впередъ. И какъ ни старались его бездарные наслѣдники испортить завѣщанное имъ дѣло, это имъ не удалось. За эти двѣсти лѣтъ Россія вышла изъ предѣловъ своего національнаго и провинціальнаго бытія и вступила на путь мирового строительства, стала воистину государствомъ.

И въ тѣ дни, оторванный отъ Россіи и волею судьбы заточенный въ швейцарскій санаторій, я болѣзненно и остро почувствовалъ, что рѣшается вопросъ огромной внутренней значительности—быть Россіи униженной или побѣдить достойно сложившееся въ Европѣ предубѣжденіе противъ насъ. Я понялъ, что именно теперь насталъ день, когда европейцы будутъ изучать русскій языкъ: прочтутъ, наконецъ, въ подлинникѣ Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Гоголя, Толстого, Достоевскаго; пріѣдутъ смотрѣть нашихъ великихъ зодчихъ и дивныхъ живописцевъ; будутъ восхищаться нашею музыкою; удивляться нашей конгеніальности великимъ мудрецамъ христіанства...

Передъ Россіей сталъ вопросъ—быть или не быть.

II.

Я не умеръ, какъ полагалось по прогнозу моего швейцарскаго лекаря. Я уже спускался внизъ обѣдать за табль-дотомъ въ обществѣ международныхъ людей, застрявшихъ здѣсь по случаю войны.

Теперь забыты были отелыные разговоры о прекрасныхъ ландшафтахъ, о дешевизнѣ и дороговизнѣ, о прогулкахъ и спортѣ. Теперь всѣ говорили о войнѣ—и прежде всего о Россіи и войнѣ. Россія безпокоила всѣхъ ужасно.

Въ самомъ дѣлѣ можно было обсуждать и взвѣшивать шансы на успѣхъ Франціи, Англии, Бельгіи, даже Италіи, но что было дѣлать съ Россіей, досадно загадочной, непонятно противорѣчивой, казавшейся такой мощной и потерпѣвшей такую позорную неудачу въ войнѣ съ Японіей. А между тѣмъ судьба Бельгіи и Франціи зависѣла отъ нашего наступленія.

О, какъ боялись тогда европейцы этой возможной катастрофы. Вторгшіяся въ предѣлы Люксембурга и Бельгіи желѣзныя полчища Вильгельма внушали чувства, близкія къ отчаянію.

Старая французженка, помнившая семидесятый годъ, видѣвшая пруссаковъ подъ Парижемъ, свидѣтельница коммуны, смотрѣла на меня то съ ненавистью, то съ надеждою: это зависѣло отъ телеграммъ. Продвиженіе впередъ русскихъ войскъ окрыляло ее,—каждое отступленіе или замедленіе приводило ее въ ужасъ.

— Mais pourquoi ils reculent? Mais pourquoi?—твердила она, водя пальцемъ по картѣ.

И странное дѣло—безпокойные вопросы этой старой парижанки задѣвали и раздражали меня. Ничего не понимая въ стратегіи, я пытался объяснить ей, что мы не можемъ и не должны спѣшить съ наступленіемъ. Она недоувѣрчиво смотрѣла на меня и качала сѣдою головою.

— Пруссаки войдутъ въ Парижъ! Какой ужасъ! Вы подумайте! На площади Согласія проклятый Гильомъ устроить себѣ триумфъ...

А въ это время швейцарскія газеты писали сочувственныя и покровительственныя статьи о Россіи.

«Россія, конечно, еще не вступила на путь европейской цивилизации, но нельзя не признать, что русскій народъ талантливъ: достаточно указать на имена Максима Горькаго и Льва Толстого»...

Изумительная легкость, съ какою граждане федеральной республики ставили рядомъ съ огромнымъ именемъ Толстого переходящее имя сомнительнаго беллетриста, немало меня забавляла.

О, какъ были горды эти добродѣтельные республиканцы и какъ презирали въ сущности нашу «варварскую» страну. Они ее знали такъ же хорошо, какъ наши эмигранты. Наши пороки такъ были явны, наши дообродѣтели такъ были непонятны.

И Швейцарія, изнемогающая отъ избытка несомнѣнной и для всѣхъ очевидной добродѣтели, не могла, разумѣется, оправдать нашу мужицкую вѣру и наши мужицкіе грѣхи.

Изъ Женевы пріѣхалъ приватъ-доцентъ и рассказъ со вкусомъ, какъ одинъ изъ виднѣйшихъ нашихъ эмигрантовъ, который побывалъ въ Россіи и котораго нынѣ «слѣдъ простылъ», по причинамъ весьма скандальнымъ, читалъ докладъ о возможномъ исходѣ войны. «Германія, конечно, разобьетъ армію Николая II. Одесса и Кіевъ естественно будутъ принадлежать Срединной Имперіи. Такъ и должно быть, ибо интересы всемірнаго пролетаріата совпадаютъ съ интересами Германіи, обладающей, какъ извѣстно, чрезвычайнымъ организаторскимъ геніемъ. И такъ, да здравствуетъ Германія! Вѣдь, это почти тоже самое, что Интернаціональ. Такъ училъ по крайней мѣрѣ великій Карлъ Марксъ».

— Вы, вѣдь, согласны, мосье, что бѣдная Россія самая несвободная страна въ Европѣ?

Должно быть, я злыми глазами смотрѣлъ на во-прошавшую меня француженку.

— Нѣтъ, не согласенъ.

— Mais Nicolas II... Mais les cosaques... Mais la Sibirie...

— Николай Второй самъ по себѣ, а Россія сама по себѣ, сударыня. Казаки вольнолюбивѣ вашихъ толстыхъ фермеровъ. А Сибирь чудесная страна и, хотя мнѣ довелось жить въ ея углахъ весьма восточныхъ и весьма сѣверныхъ, не могу не признать ея великолѣпія... Политическія формы дѣло переходящее: сегодня у насъ неограниченная монархія, а завтра будетъ республика. А вотъ національный характеръ нѣчто болѣе устойчивое. Смѣю васъ увѣрить, сударыня, что русскій народъ внутренне свободнѣе любого изъ народовъ Европы. И если намъ грозитъ опасность, такъ именно отъ чрезмѣрности нашихъ анархическихъ мечтаній...

Собесѣдница выпучила на меня глаза, недоумѣвая. Почему мнѣ все приходитъ на умъ эта незначительная особа? Кто она? Въ этой француженкѣ какъ будто воплотилась для меня буржуазная Франція. Старуха ничего не понимала въ Россіи. Тутъ ничего нѣтъ удивительнаго, ибо нашимъ друзьямъ французамъ, какъ и нашимъ врагамъ нѣмцамъ, едва ли доступно то несказанное русское, безъ чего нѣтъ смысла ни въ исторіи нашей, ни въ поэзіи, ни даже въ нашемъ характерѣ вообще.

За то мы русскіе, понимаемъ Францію, пожалуй, не хуже самихъ французовъ. Это отмѣтилъ въ свое время Тургеневъ. Не понимаютъ Франціи, повиди-

мому, лишь тѣ русскіе, кого одурачили циммервальдскіе гешефтмахеры.

Между прочимъ, у этой старухи два сына и три внука, и всѣ тогда были на войнѣ. Какъ извѣстно, по глубокомысленному представленію нашихъ марксистовъ, война затѣяна исключительно по интригѣ буржуазии и прежде всего французской буржуазии. Хотѣлъ бы я знать, существуетъ ли въ природѣ такой буржуа, который нашель бы выгоднымъ для себя, получивъ значительную сверхъ-прибыль, потерять своего сына. И какими надо быть безстыдниками, чтобы отрицать для всѣхъ очевидный фактъ: на поляхъ Марны и подъ Верденомъ пали смертью героевъ не только тысячи рабочихъ, но и тысячи тѣхъ самыхъ буржуа, которые будто бы рѣшили воевать по своей чрезмѣрной жадности.

Неужели и умираютъ буржуа изъ-за своего классоваго интереса? Обычныя разсужденія на эту тему внушаютъ мнѣ неизъяснимое отвращеніе. Я помню, какъ мнѣ было противно слушать клеветническіе выкрики противъ лидера нашихъ либераловъ. Психология этого либеральнаго гражданина, признаюсь, мнѣ совершенно чужда и къ парти кадетовъ я никогда не имѣлъ чести принадлежать, но какою надо обладать глупостью или лживостью, чтобы демагогически внушать толпѣ, что политика профессора такого то продиктована его «буржуазною корыстью». А, вѣдь, у этого профессора, какъ и у моей француженки, былъ на войнѣ сынъ, и его убили. Мужественно принявъ вѣсть о кончинѣ сына отъ нѣмецкой пули, выйти къ народу и громко заявить: «Не отступайте! Сражайтесь! Гогенцоллернъ желѣзною рукою замкнетъ вамъ выходъ въ открытое море. Вы будете его рабами завтра, какъ вчера были рабами царя Романова»—что это? Буржуазная корысть? Но я отвлекся отъ моей темы, а у меня есть еще два-три слова, которыя надо приписать къ этому листу дневника.

Два слова о томъ, что хотя французы, любезничая съ нами, многого и многого не понимаютъ въ нашемъ характерѣ, это не мѣшаетъ имъ быть чѣмъ-то близкимъ намъ. Въ искусствѣ, на примѣръ, это очевидно. Какъ ни старались мюнхенцы подражать французамъ, у нихъ ничего не вышло. А какая странная конгеніальность у нашихъ живописцевъ съ французскими мастерами. И мы не подражатели, мы ихъ счастливые соперники. Созвучіе нашихъ культуръ не самое главное, впрочемъ. Есть нѣчто такое, что заставляетъ какъ то примириться съ французами. Прежде всего у французовъ нѣтъ самодовольства. У нихъ есть самонадѣянность, иногда легкомысліе, иногда сластолюбіе; они, конечно, не безкорыстны, но у нихъ нѣтъ самодовольства. О, это великій знакъ. Объ этомъ еще придется побесѣдовать.

А нѣмецкая буржуазія? Объ ея самодовольствѣ можно написать тысячи анекдотическихъ книгъ, но эти анекдоты—увы!—совсѣмъ не выдумка, а наиреальнѣйшая правда.

Нѣтъ, Франція, несмотря на всѣ свои грѣхи и пороки и несмотря на досадное непониманіе нашей культуры, еще жива, еще нужна міру, и ея невеселый скептицизмъ, ея умная внутренняя усталость въ тысячу разъ человѣчнѣе, чѣмъ тупенькая вѣра въ свое исключительное призваніе добродѣтельной Германіи.

Георгій Чулковъ.

СОЦИАЛИЗМЪ И АНАРХИЗМЪ.

Великая французская революція провозгласила хорошо нынѣ всѣмъ знакомые лозунги: свобода, равенство, братство. Намъ думается, что эта трехчленная формула содержитъ полную и совершенно исчерпывающую программу творческой эволюціи человѣчества, его прогрессивнаго развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаемъ попытку отдать въ полнѣ ясный отчетъ въ значеніи каждаго термина этой формулы. Что такое свобода? Свобода есть подчиненіе закону, законность воли и поведенія, учить догматическій рационализмъ со временъ бл. Августина вплоть до Руссо. И непрерывно, наперекоръ этимъ настойчивымъ утвержденіямъ, бунтующій голосъ сознанія взываетъ: свобода—это мое я, мое человѣческое сознаніе, черпающее свою жизнь и силу изъ собственныхъ глубинъ и творчески преодолевающее всякія напередъ положенныя грани. Трудно представить себѣ болѣе глубокую противоположность, нежели противоположность этихъ двухъ утвержденій! И тѣмъ не менѣе необходимо имѣть дерзостное мужество признать, что по существу между этими двумя утвержденіями нѣтъ непримиримаго противорѣчія. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ источникъ той законности, подчиненіе которой есть свобода? Не есть ли источникъ этой законности самое сознаніе и ничего болѣе? Но что такое человѣческое сознаніе? Обращаясь къ самому себѣ, человѣкъ находитъ въ себѣ безконечность, при чемъ оказывается, что эта безконечность есть источникъ творческаго созиданія, самъ человѣкъ одновременно законодатель и подданный, подчиняется законамъ, которые самъ призналъ обязательными. Никто не можетъ принудить его думать иначе, нежели онъ думаетъ, и подчиниться тому, чего не находитъ возможнымъ признавать. «Я полагаю такъ, другіе могутъ полагать иначе»—вотъ послѣднее основаніе человѣческой свободы. Неисчерпываемая безконечность сознанія, безконечность его творческой силы есть вмѣстѣ съ тѣмъ его послѣднее глубочайшее основаніе и его неотъемлемая свобода. Свободенъ тотъ, кто ощутилъ въ себѣ самомъ животворящій источникъ, безграничность творческаго порыва.

Но если это такъ, если свобода есть безпредѣльность сознанія, то эту свободу необходимо признавать въ каждой человѣческой личности: всѣ люди равны, какъ свободныя человѣческія личности. Мало того, жизнь въ обществѣ требуетъ опредѣленнаго порядка, иначе своеволие одного или многихъ будетъ притѣсненіемъ для всѣхъ и безпорядокъ сдѣлаетъ жизнь въ обществѣ невыносимою. Отсюда вытекаетъ основное требованіе свободы: необходимо добровольное подчиненіе опредѣленному порядку, который наиболѣе свободенъ и наилучше обезпеченъ, если всѣ имѣютъ равное право, лично или черезъ представителей, участвовать въ его созиданіи. Свобода, т.-е. самостоятельность человѣческаго сознанія, обезпечивается равенствомъ людей и равное распределение свободы, того, что я могу, и того, что я долженъ, есть норма права и государства.

Но всего этого мало. Недостаточно признать и провозгласить свободу людей, недостаточно также предоставить имъ равное участіе въ законодательствѣ и управленіи государствомъ. Необходимо, сверхъ того, справедливое устройство хозяйственной жизни людей такъ, чтобы было точное соотвѣтствіе между

ихъ взаимными дѣйствіями: необходима строгая взаимная обусловленность и равноцѣнность ихъ дѣятельности, солидарность или братство людей. Въ существующемъ хозяйственномъ строѣ создатель и потребитель прибавочной стоимости, рабочій и предприниматель по общему правилу разобщены. Поэтому нѣтъ свободы и равенства, но есть эксплуатация рабочей силы предпринимателями. Необходима въ будущемъ такая организація производства и зависящаго отъ него распределенія, при которой нѣтъ разобщенія рабочаго и предпринимателя, и каждый является какъ создателемъ, такъ и потребителемъ прибавочной стоимости. Марксизмъ, какъ извѣстно, учить, что такое состояніе достижимо путемъ обобществленія орудій производства, обращенія земли, фабрикъ, заводовъ и машинъ въ государственно-общественное достояніе. Идеальная система хозяйственной жизни была бы завершеніемъ требованій свободы и равенства, такъ какъ въ ней нашли бы свое воплощеніе и свобода, и равенство; въ свою очередь такая идеальная система общественной жизни возможна не иначе, какъ на основахъ свободы и равенства.

Вообще воплощеніе каждаго изъ трехъ великихъ принциповъ французской революціи возможно лишь при совмѣстномъ проведеніи и двухъ другихъ, и совокупность ихъ образуетъ замкнутую систему. Либерализмъ, радикальный демократизмъ и социализмъ—каждый односторонне развиваетъ одинъ изъ принциповъ этой системы; либерализмъ односторонне требуетъ гарантій личной свободы, демократизмъ требуетъ равенства всѣхъ въ государствѣ (всеобщее избирательное право), социализмъ требуетъ государственной организаціи и производства, и распределенія.

Три великія націи: англичане, французы и нѣмцы по-разному потрудились надъ воплощеніемъ въ жизнь принциповъ свободы, равенства и братства. Общеизвѣстна любовь англичанъ къ свободѣ и личной независимости. У нихъ уже издавна существовала судебная защита личныхъ правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ у нихъ мы не встрѣчаемъ пристрастія къ «отвлеченному» равенству. Напротивъ, Франція издавна обнаруживала пристрастіе къ «отвлеченнымъ» принципамъ и въ особенности къ политическому равенству, которое и было впервые воплощено во Франціи въ видѣ всеобщаго избирательнаго права. Наконецъ, Германія исключительную энергію своего мышленія и дѣятельности устремила на социализмъ, на организацію производства и распределенія благъ. При всемъ томъ, какъ въ нѣмецкой теоріи, такъ и въ жизни Германіи начала свободы и равенства получили наименьшее воплощеніе по сравненію съ ея великими соперницами, Франціею и Англіею. Въ Пруссіи, которая занимаетъ $\frac{2}{3}$ территоріи Германіи, нѣтъ доннынѣ ни политической свободы, ни всеобщаго избирательнаго права, и социализмъ Германіи въ сильной степени проникнуть началами ея государственности.

Въ отличіе отъ нашихъ западныхъ сосѣдей, мы русскіе равно и неизмѣнно воодушевлены и свободою, и равенствомъ, и братствомъ. Но тутъ насъ подстерегаетъ великій соблазнъ: постояннымъ спутникомъ социалистическаго движенія въ Россіи былъ анархизмъ. Мало того, тогда какъ социализмъ, въ видѣ ли сенъсимонизма, фурьеризма или марксизма въ Россіи всегда былъ иноземнымъ образцомъ, анархизмъ у насъ имѣлъ мѣстное происхожденіе. Русскій анар-

хистъ Михаилъ Бакунинъ боролся съ интернаціональнымъ социалистомъ Карломъ Марксомъ, Петръ Кропоткинъ и Левъ Толстой развили основы современнаго революціоннаго и мирнаго анархизма. Въ противоположность социализму, который развиваетъ идею государственно-общественной организаціи хозяйственной жизни, анархизмъ, подобно либерализму, развиваетъ начало свободы, но дѣлаетъ это гораздо рѣшительнѣе. Подобно тому, какъ либерализмъ есть спутникъ и коррективъ абсолютнаго государства, такъ анархизмъ есть спутникъ и коррективъ современнаго социализма. Поскольку социализмъ подчиняетъ начало свободы началу организаціи, постольку анархизмъ дѣлаетъ прямо обратное, подчиняетъ общественную организацію началу свободы. Въ этомъ большая критическая сила теоретическаго анархизма. Поскольку теоретическій анархизмъ анализируетъ недостатки современнаго парламентаризма и централистическаго социализма, такой критическій анализъ нерѣдко любопытенъ и глубокъ. Но у послѣдовательныхъ анархистовъ этотъ анализъ идетъ гораздо дальше. Такъ, Бакунинъ, Кропоткинъ и Л. Толстой стремятся устранить не только всякую власть, но вообще всякій авторитетъ не только общественный и государственный, но даже авторитетъ науки; Себастьянъ Форъ видитъ корень общественныхъ бѣдствій во всякой власти, понимаемой имъ крайне широко, такъ что туда относится не только власть государства въ тѣсномъ смыслѣ, но также собственность, какъ источникъ экономическаго господства, и даже нравственная обязательность. Словомъ, въ крайнемъ послѣдовательномъ анархизмѣ всѣ прочныя общественныя связи приносятся въ жертву неограниченной личной свободѣ. Л. Толстой отрицаетъ всякое принужденіе и право, какъ насиліе надъ личнымъ сознаниемъ, и стремится основать человѣческое общежитіе исключительно на свободномъ чувствѣ любви.

Усиливая и подчеркивая въ идеѣ свободы моментъ безграничности, анархизмъ ослабляетъ моментъ творчества, созиданія, которое необходимо требуетъ отчетливости творимыхъ граней и опредѣленности создаемыхъ отношеній: всякое творчество есть созиданіе порядка, системы. Этотъ моментъ системы, наоборотъ, выраженъ съ большею силою въ социализмѣ, который и есть не что иное, какъ попытка создать окончательное завершеніе системы общественной жизни. Тогда какъ социализмъ стремится къ объединенію хозяйственной жизни, къ образованію крупныхъ и сложныхъ хозяйственныхъ организацій въ государственно-хозяйственной централизаціи, анархизмъ не можетъ обосновать сложныхъ хозяйственныхъ образованій и разлагаетъ общественное цѣлое на небольшія свободныя общества и независимыя единицы, приводитъ къ свободному федерализму. Социализмъ стремится къ усилению и усложненію культуры, требуетъ одновременнаго роста хозяйственной производительности и повышения духовнаго уровня, сознательности; анархизмъ, наоборотъ, нерѣдко проповѣдуетъ ослабленіе культуры и опрощеніе, возстааетъ противъ излишествъ современной цивилизаціи. Если социализмъ обнаруживаетъ стремленіе къ порядку, стройной системѣ, хотя бы цѣною неподвижности и насилія надъ личностью, анархизмъ стремится къ неограниченной свободѣ, хотя бы цѣною непрерывной неустойчивости и текучести отношеній. Очевидно,—ошибка на обѣихъ сторонахъ, и правильный выходъ долженъ

быть найденъ въ смягченіи обѣихъ крайностей. Необходимо внести безконечную подвижность, жизненность въ социализмъ и, съ другой, стороны понять анархизмъ не какъ произволь безграничной свободы, а какъ торжество творческой эволюціи человѣка. Социализмъ и анархизмъ совпадаютъ, если только понять творческую эволюцію общественной жизни, какъ безконечное заданіе, никогда быть можетъ неосуществимое полностью въ исторической дѣйствительности: если внести моментъ свободы въ идеаль социализма и начало организаціи въ идеаль анархизма, тогда тотъ и другой объединяются въ идеѣ живой, свободной организаціи. А это и получило выраженіе въ трехчленной формулѣ великой французской революціи: свобода, равенство и братство. Не слѣдуетъ только забывать, что свободная организація не есть что-то готовое и данное, но безконечное заданіе; путь же къ его разрѣшенію лежитъ черезъ непрерывное, постепенное развитіе, черезъ творческую эволюцію общественной жизни.

Пр.-доц. А. Саккетти.

ОТЕЧЕСТВО.

Только та любовь глубока и прочна, которую выстрадаешь.

У насъ ни въ народныхъ массахъ, ни даже въ кругахъ людей образованныхъ не было глубокаго чувства отечества. Во время русско-японской войны было у насъ такъ много пораженцевъ. Кто теперь со стыдомъ не вспоминаетъ себя «тогдашняго»?

Съ одной стороны Россія слишкомъ велика и народно-могуча. Мы ни разу въ жизни не испытали, что такое—«отечество въ опасности». Какъ въ сказкѣ, мы жили на необозримой «спинѣ китовой», ковыряли ее, и намъ не приходила даже въ голову мысль, что при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ эта «твердь» можетъ заколебаться.

Съ другой стороны,—отечество управлялось царемъ. И такъ какъ у насъ не было глубокаго и настороженнаго чувства отечества, творческаго національнаго чувства, слабое чувство отечества легко тонуло въ раздраженіяхъ противъ царизма.

И въ нашихъ образованныхъ кругахъ преобладало настроеніе того анекдотическаго, землянаго помѣщика, который сердился на мышей.

— Амбары горять,—доносятъ помѣщику.

— А мыши?—первый вопросъ.

— И мыши горять!..

— Такъ нехай себѣ горять!

И многие у насъ такъ же сердиты были на «мышей» Россіи, на ея дурную власть, что привѣтствовали всякій пожаръ Россіи, если этотъ пожаръ пожретъ и «мышей».

Впрочемъ, кто же при этомъ думалъ о гибели Россіи? Ну, сгорятъ мыши, а Россія...—она столь же негораема, какъ и непоколебима! Вѣдь, потому то и боязни за нее не было.

А кто же имѣетъ историческое воображеніе? Воображеніе у очень немногихъ людей.

Война съ Германіей впервые всколыхнула несознанныя чувства любви къ отечеству. Но всколыхнула чуть-чуть, слегка.

Я помню вечеръ въ первый годъ войны. Это было на южной окраинѣ Россіи, во время моихъ скитаній

вслѣдъ за войной, по многострадальному, многотысячаверстному русскому фронту. Въ старой либеральной интеллигентской семьѣ я встрѣтилъ неоцѣненный ласковый привѣтъ и уютъ, было радостно отдохнуть отъ трудныхъ путешествій.

Разговоръ былъ о войнѣ, какъ она окончится, чего отъ нея ждать. Всѣ ждали послѣ войны революціи, и это многихъ вдохновляло.

А когда я сказалъ объ отечествѣ, моимъ собесѣдникамъ показалось странно и слово зазвучало дико.

Отечество! Но вѣдь это что-то изъ черносотеннаго словаря? Тутъ пахнетъ любовью къ родинѣ. А родиной, извѣстно, править царь...

Ахъ нѣтъ, я не буду слѣдить ужасающую простоту, легкомысленную мелкость ходячихъ русскихъ интеллигентскихъ понятій. Я только скажу, что слово «отечество» тогда огорчило, даже какъ будто оскорбило моихъ собесѣдниковъ.

— Такъ вотъ у васъ въ столицѣ какія настроенія!.. Странно!..

Тогда, въ первый годъ войны это слово казалось еще «странно». Даже употреблять его было зазорно.

Даже во время этой страшной войны, когда опасность для нашей родины, для народа, для русской культуры стала всѣмъ ощутимой, русское захолустное интеллигентское мышленіе не могло перестроиться по новому.

Вѣдь и во время этой войны у насъ все еще были люди «пораженческаго» толка.

Будемъ ли ходить далеко за примѣрами?

Лучше, если Россія будетъ поражена. Тогда ужъ и возникнетъ настоящая революція! Такая революція!..

Въ революцію всегда жадно вѣрится тотъ народъ, который не умѣетъ творить свою жизнь.

Оттого нашей толпѣ и представляется такъ просто: отчего же германцы не сдѣлаютъ революцію? *Хотятъ*, а не сдѣлаютъ.

А ужъ что они хотятъ,—кто же въ этомъ сомнѣвается.

Внезапная революція испортила всѣ планы. Она пришла раньше, чѣмъ ее ожидали. Пришла, какъ своеобразное выраженіе нашего военнаго безсилія и хозяйственной разрухи.

Изъ за границы къ намъ хлынуло худшее выраженіе противообщественной, противогосударственной мысли. Приѣхали люди, сугубо озлобленные противъ русской власти, сугубо пораженчески настроенные. Самъ чертъ перерѣзалъ имъ темной ночью родную пуповину и выбросилъ ихъ, сирыхъ, въ водоворотъ Европы.

Конечно, въ Европѣ и для Европы это былъ—соръ европейской мысли. Въ какой же иной европейской странѣ, кромѣ Россіи, они могли имѣть какойнибудь успѣхъ?

Но въ Россіи все «заграничное» имѣетъ обаяніе. Помилуйте, онъ за границей былъ! Къ тому же онъ—пострадалъ!..

А ужъ если онъ «пострадалъ», въ тюрьмѣ сидѣлъ, или въ бѣгахъ за границей былъ, то онъ, безспорно, очень умный и хорошій человѣкъ. И его надо въ министры...

Конечно, кто же зналъ, какъ жили за границей, что дѣлали, чѣмъ добывали себѣ пропитаніе эти люди? Русскую недвижимую темноту не скоро убѣдятъ

даже поразительные примѣры обличенныхъ изъ этой среды обманщиковъ и провокаторовъ.

Они пришли и четыре мѣсяца проповѣдывали въ тылу и арміи разруху. Они кричали. А темная армія и не менѣе темная рабочая среда зачарованно внимала.

Въ сущности, послѣ переворота и безъ нихъ случилось бы то же самое. И въ Россіи нашлось бы много такихъ же вдохновителей. Только можетъ быть не столь быстро сложились бы губительныя настроенія и не въ самое опасное мѣсто попалъ бы ударъ...

Шумѣлъ—горѣлъ пожаръ російскій. А заграничные люди подливали въ огонь масла, и миллионы русскихъ людей съ восторженнымъ изумленіемъ смотрѣли какъ ширилось буйное пламя.

Все разумное притихло, спряталось по угламъ, охая и стняя отъ страха, стыда и печали.

Безсилные стыдъ, страхъ и печаль.

Но все-таки, какъ же мы могли до этого дойти? Какъ могъ допустить до этого самъ себя русскій народъ!?

Не будемъ винить власть ни перваго, ни втораго послѣ переворота созыва. Это безсиліе—валить все на власть. Дѣло не во власти.

Вѣдь тутъ—народъ, многомиллионная сила! *Въ немъ самомъ не было ни опасенія, ни отпора.* Былъ полубезумный или дѣтскій восторгъ: какъ хорошо горить! И мыши сгорятъ.

Говорятъ—германскіе наемники, дѣлаютъ дѣло на германскіе миллионы...

Въ этой вереницѣ заграничныхъ людей, повидимому, есть несомнѣнные наемники, въ карманѣ коихъ во время ихъ разрушающихъ рѣчей звякаетъ германское золото. Но развѣ это важно!

Пусть—германскія деньги! Но можете ли вы себѣ представить, что мы русскіе или англичане, или французы не за миллионы, а за миллиарды, истраченные на подкупъ гадовъ и предателей своего отечества, можемъ ли мы устроить въ Германіи хоть десятую, хоть сотую долю такой же губительной смуты, какую устроили у насъ на жалкіе гроши черезъ наемниковъ и гадовъ германцы?

А, вѣдь, если и были подкупы, то, вѣроятно, грошевые. Ибо десятки миллионновъ ходятъ болѣе тяжелой походкой.

Итакъ, мыслимо ли сдѣлать чтонибудь подобное въ Германіи?

Нѣтъ! Ибо первый же негодяй, на первой же улицѣ германскаго города, даже села, въ первый же часъ своей проповѣди, какъ бы умна и тонка ни была она, этотъ негодяй нашелъ бы немедленный и должный отпоръ *со стороны самого германскаго населенія.*

Но не будемъ говорить о подкупѣ, если онъ въ Германіи безсиленъ, а для насъ, въ сущности, безразличенъ. Возьмемъ идейность. Вѣдь и въ Германіи не всѣ согласны съ намѣреніями своего правительства, съ планами властвующихъ круговъ. И тамъ есть люди, которые негодуютъ и борются съ властью.

Но кому же изъ нихъ придетъ въ голову, кто можетъ тамъ выговорить слово—пораженіе? Вотъ хорошо, если Германія будетъ поражена!

И развѣ мыслимо въ Германіи, Англіи, Франціи, Америкѣ, чтобы кто-нибудь, кто часъ тому назадъ проповѣдывалъ пораженіе своего отечества, чтобы этотъ человѣкъ въ тяжкіе дни мривой борьбы былъ призванъ въ ряды власти? А главное, чтобы его признали широкія народныя массы?

Это невозможно, это противоестественно. Ибо въ этихъ странахъ уже есть старое, отстоявшееся въ душѣ чувство отечества.

Можно по разному понимать пользу своего отечества, можно бороться партия на партію за иные пути общенароднаго развитія, но свобода и независимость отечества безспорны для углекопа и министра въ равной мѣрѣ.

Что же у насъ?

Несчастливая страна, несчастный темный народъ, еще не сознавшій своего отечества.

Потому и возможно у насъ, что Викторъ Черновъ, проповѣдывавшій въ теченіе всей войны за границей поражение Россіи, теперь—русскій министръ и приводитъ въ восторгъ народную массу посулами социалистическихъ реформъ.

Недавно и Викторъ Черновъ смутился, вышелъ изъ состава власти на три дня. Потомъ увидѣлъ, что въ Россіи—можно, махнулъ ручкой и снова вступилъ во власть.

И другіе министры признали, что—можно. Вѣдь, Черновъ ничего безчестнаго не сдѣлалъ: онъ *только три мѣсяца тому назадъ проповѣдывалъ поражение Россіи.*

Несмотря на весь ужасъ того, что я скажу сейчасъ, я все же спрошу читателей:

— Кто изъ васъ безъ *этого* грѣха, бросьте въ несчастнаго Чернова камень?

Развѣ не все равно, когда вы были пораженцемъ: въ русско-японскую или въ русско-германскую войну?

Конечно, впереди ждуть насъ еще великія испытанія.

Глады, моры, взаимогубительства, мечъ и огонь... Дѣтская надежда, будто все какъ то само собой постепенно разрѣшится.

Теперь мы вспоминаемъ: Боже, какъ хорошо мы жили въ 1916 году! И будутъ дни, когда мы съ завистью вспомнимъ дни іюля 1917 года.

Мы еще хорошо живемъ. Будемъ жить много хуже.

Въ великихъ потрясеніяхъ Россіи отдѣльные люди будутъ гибнуть, какъ мухи. Но гибель сотенъ тысячъ людей еще не означаетъ гибели всей страны.

Отрѣшившись отъ всѣхъ личныхъ страховъ, отъ всѣхъ личныхъ сегодняшнихъ болей, я вѣрю, я знаю: страна выйдетъ преображенной!

Ударъ молніи разверзъ небеса, сотрясъ землю. Молнія упала въ морской песокъ. Расплавился песокъ и слился въ тяжелый громовой камень—«божья стрѣла».

И только огонь великихъ страданій переплавить разсыпчатый песокъ русскаго народа въ тяжелый громовой камень—сольетъ въ народъ, который созналъ свое отечество, поднялся до чувства государственности.

Слово «отечество» уже пылаетъ горящимъ углемъ на устахъ тѣхъ, кто вчера еще съ трудомъ его выговаривалъ.

Развѣ вы не замѣчаете этой перемѣны?

И можетъ быть всѣ вчерашніе международники и сектанты книжной мысли, если они не мертвецы, завтра прозрѣютъ, ужаснутся первымъ ужасомъ за всю свою пустую и несчастную жизнь и закричатъ первымъ настоящимъ крикомъ:

— Отечество въ опасности! Что мы надѣлали!...

С. Кондурушкинъ.

ВОЙНА И СУДЬБЫ МОНАРХІИ.

I.

Начиная приблизительно съ восьмидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія, когда окончательно упрочилась республика во Франціи, возможность политической революціи въ Европѣ казалась устраненной на долгое время. Установилось нѣкоторое равнодушіе къ вопросамъ политическаго строительства. Правда, продолжалась борьба за дальнѣйшую демократизацію государственнаго устройства. Но вопросъ о формѣ правленія, вопросъ о, такъ сказать, стилѣ и внѣшнихъ контурахъ государственнаго зданія,—считался широкими общественными кругами безразличнымъ и во всякомъ случаѣ неочереднымъ.

«Никто не приходитъ въ восторгъ ни отъ монархіи, ни отъ республики»—писалъ про это время одинъ наблюдательный французскій публицистъ.

Примиренію съ монархіей въ значительной степени содѣйствовало распространеніе парламентаризма, который подчинялъ монарха парламенту и тѣмъ самымъ если не устранялъ, то по крайней мѣрѣ смягчалъ наиболѣе существенные недостатки монархіи. Съ другой стороны, такому примиренію не мало способствовало и извѣстное разочарованіе въ преимуществахъ республики.

Вѣра въ «чудеса республики», въ ея спасительность для свободы, которая одушевляла дѣятелей 1793 года и отчасти была свойственна и итальянскимъ республиканцамъ типа Мадзини,—давно погасла. Испарилось и настроеніе современниковъ 1848 года, которые были убѣждены, что водвореніе республики знаменуетъ торжество социальной справедливости. Практика третьей французской республики разсѣяла этотъ чрезмѣрный оптимизмъ и породила настроенія, выразившіяся во фразѣ: plus ça change, plus c'est la même chose (чѣмъ больше перемѣнъ, тѣмъ болѣе все остается на прежнемъ мѣстѣ).

И падо признать, что ожиданія отъ республики совершенія социального переворота покоились на недоразумѣніи.

Политическія реформы, хотя бы и самыя радикальныя, отнюдь не влекутъ за собой непосредственно и непременно реформъ социальныхъ. Политическія реформы въ демократическомъ духѣ способствуютъ лишь подчиненію законодательства и государственнаго управленія народной волѣ. И, слѣдовательно, самое направленіе законодательства и осуществленіе въ немъ идеаловъ социальной справедливости зависятъ отъ содержанія народной воли, т.-е. отъ культурнаго уровня народныхъ массъ и степени ихъ самосознанія и организованности.

Съ этой точки зрѣнія понятно, что, разъ лозунгомъ времени стали именно социальные реформы, республиканское движеніе уступило мѣсто стремленію расширить и укрѣпить права гражданской свободы съ цѣлью подъема сознательности и сплоченности народныхъ массъ, заботамъ о поднятій ихъ образовательнаго уровня и экономическаго положенія и вообще стараніямъ воплотить въ жизнь демократическія требованія и идеи.

И среди этой работы по укрѣпленію почвы для будущаго зданія социальной справедливости вопросъ о республикѣ былъ какъ бы снятъ съ очереди, точно его рѣшеніе непосредственно не вызывалось общимъ.

планомъ работы, тѣмъ болѣе, что во многихъ странахъ монархія, соотвѣтственно свойственной этой формѣ правленія гибкости и приспособляемости, приобщилась къ движению и приобрѣла извѣстный демократическій отпечатокъ.

Этимъ объясняется тотъ несомнѣнный фактъ, что республиканская идея въ періодъ, предшествующій войнѣ, въ значительной степени утратила практическое значение и перестала, такъ сказать, значиться въ программѣ дня влиятельныхъ политическихъ партій.

Такъ въ Англии радикалы типа Брадло, борвшіеся прежде всего и больше всего съ монархіей, почти совершенно сошли съ государственной арены. Современный радикализмъ ставитъ своей задачей осуществленіе крупныхъ социальныхъ реформъ и предпринимаетъ реформы въ области политической лишь для устраненія препятствій къ достиженію этой задачи. Также смотря на этотъ вопросъ наиболѣе влиятельные представители социалистическихъ теченій. Гамзей Макдональдъ неоднократно публично заявлялъ, что необходимыя работы по социализации общества и государства должны итти эволюционнымъ, а не революционнымъ путемъ и не требуютъ непосредственной замѣны монархіи республикой. Правда, англійскіе социаль-демократы предпочитаютъ республику. Но это—одинъ изъ пунктовъ программы,—не болѣе. Къ тому же въ Англии социаль-демократическая фракція не имѣетъ особеннаго вліянія.

По правильному замѣчанію современнаго американскаго публициста Лоуэлла, въ Англии и по сіе время считаютъ монархію той мачтой, на которой долженъ быть укрѣпленъ парусъ, необходимый для плаванія государственнаго корабля.

Приблизительно то же отношеніе къ монархіи въ Итали. По мнѣнію многихъ выдающихся политическихъ дѣятелей, монархія—база единства Итали. Даже среди социалистовъ было немного убѣжденныхъ республиканцевъ. Туратти недавно еще утверждалъ, что революціонеромъ въ Итали можно быть только по лѣни. Биссолати въ 1905 году заявилъ: «у насъ нѣтъ республиканскихъ предрасудковъ». И соотвѣтственно этому число сторонниковъ республики въ парламентѣ никогда не достигало 30. Несомнѣнно, что и въ Испани позиція монархіи значительно окрѣпла при Альфонсѣ XIII. Воспоминанія объ эфемерной республикѣ 1873 года давно разсѣялись. По убѣжденію испанскихъ государственныхъ дѣятелей различныхъ политическихъ оттѣнковъ, прочный тронъ—необходимая опора для реформаторской дѣятельности.

Вообще изслѣдователь движенія республиканской идеи въ парламентарныхъ монархіяхъ: въ Испани, Итали, Венгрии, Бельгии и Голланди, французскій публицистъ Мейнадье, выпустившій свою книгу въ 1911 году, установилъ, что въ этихъ странахъ эволюція въ сторону республики приостановилась и скорѣе наблюдается обратное движеніе къ укрѣпленію положенія монархіи. И это явленіе названной авторъ объяснилъ внутреннимъ преобразованиемъ правительственной концепціи, которая значительно расширилась и смягчилась, заставила монархію пойти по пути демократическихъ и социальныхъ реформъ и приблизила ее къ республиканскому идеалу.

На этомъ общемъ фонѣ лишь португальская революція 1910 года, закончившаяся провозглашеніемъ республики, является какъ бы исключеніемъ. Крушеніе португальской королевской власти, однако,

имѣетъ свои особенныя причины и скорѣе подтверждаетъ вышеустановленное правило. Португальскій дворъ, бездарный и близорукий, рѣзко разошелся съ народомъ, особенно въ вопросѣ церковномъ, и своей яркой клерикальной политикой возстановилъ противъ себя значительную часть народныхъ массъ, настроенныхъ антиклерикально. Недаромъ первыми актами португальскаго временнаго правительства были провозглашеніе свободы совѣсти, лаицизація народнаго образованія, секуляризація церковныхъ имуществъ и вообще отдѣленіе церкви отъ государства по французскому образцу.

Даже въ странахъ дуалистическаго типа, какъ Германія, Австрія и т. д., время, предшествующее войнѣ, было благоприятно для монархіи.

Въ Австріи престарѣлый Францъ-Иосифъ считался необходимой скрѣпой единства мозаичной Австро-Венгерской имперіи.

Престижъ монархіи былъ настолько великъ, что извѣстный австрійскій ученый Антонъ Менгеръ утверждалъ, что и социалистическое государство должно быть устроено монархически. Въ Германіи самое созданіе нѣмецкаго государственнаго единства было поставлено на счетъ монархіи. Была создана новая легенда о Гогенцоллернахъ, которая провозглашала ихъ творцами Германской имперіи, несмотря на то, что, какъ извѣстно, именно соревнованіе прусской короны съ австрійской издавна мѣшало сложению единаго нѣмецкаго государства вопреки давнему тяготѣнію нѣмецкаго народа къ единству. И затѣмъ всѣ успѣхи Германіи, военные и промышленные, все ея процвѣтаніе, ставились въ активъ монархіи, хотя процвѣтаніе имперіи обуславливалось именно государственнымъ объединеніемъ и достигалось усиленіемъ нѣмецкаго народа, а монархія пожинала лишь плоды чужихъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что первый германскій императоръ Вильгельмъ I былъ весьма зауряднымъ человекомъ, не обладавшимъ выдающимися государственнымъ дарованіями. Такимъ образомъ увеличеніе престижа монархіи въ Германіи можетъ быть уподоблено такъ называемому «незаработанному обогащенію», т.-е. автоматическому нарастанію цѣнности недвижимой собственности вслѣдствіе произведенныхъ вокругъ нея техническихъ усовершенствованій. Въ этотъ объективными данными воздвигнутый пьедесталъ монархіи новый императоръ Вильгельмъ II пожелалъ вложить элементъ личнаго творчества и личной заслуги и связать институтъ монархіи съ личностью монарха. Въ особенности въ первое время своего царствованія Вильгельмъ II заполнялъ собою чуть ли не всю государственную арену. Какъ при Лаврентіи Великолѣпномъ во Флоренци, неизвѣстно было, гдѣ кончается императоръ и гдѣ начинается имперія. Вильгельмъ II былъ социальнымъ реформаторомъ и военачальникомъ, и проповѣдникомъ, и чуть ли не журналистомъ.

Никогда въ новѣйшее время идея личной власти, концепція власти на старый манеръ не достигала такого напряженія. Вильгельмъ дѣйствительно воображалъ себя лоцманомъ Германіи, каковымъ его изображали на безчисленныхъ уличныхъ портретахъ.

Онъ открыто заявлялъ, что въ Германіи старый завѣтъ: «suprema lex—regis voluntas»—(воля монарха—высшій законъ)—остается дѣйствующимъ правомъ, и пробовалъ даже въ серьезъ реставрировать ученіе о божественномъ правѣ монархіи.

И какъ, казалось бы, эти тенденции ни расходились съ идеями и успѣхами демократіи, тѣмъ не менѣе популярность императора несомнѣнно росла. Эта странность объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что послѣ нѣкоторыхъ колебаній Вильгельмъ II усвоилъ ту концепцію власти, которая вполне соответствовала интересамъ вліятельныхъ общественныхъ круговъ Германіи. Среди тревогъ и ослѣженій, внѣшнихъ и внутреннихъ, которыми необходимо сопровождалось дальнѣйшее развитие блестящей германской торговопромышленной карьеры, Германія нуждалась въ политикѣ «сильной и властной руки», политикѣ, которая не чуждалась бы нѣкотораго авантюризма при осуществленіи империалистическихъ цѣлей.

И этимъ стремленіямъ какъ нельзя болѣе соответствовалъ Вильгельмъ II, утверждавшій, что промышленность надлежаще развивается «лишь подъ сѣнью хорошо отточенныхъ сабель», грозившій «гуннскими набѣгами» всѣмъ, кто станетъ мѣшать нѣмецкой торговлѣ, и объявлявшій, что будущее Германіи—на морѣ. Этимъ стремленіямъ вполне соответствовала и установленная имъ концепція государственности, имѣющая идеаломъ—режимъ авторитетный и абсолютный, рычагомъ—приказъ верховнаго владыки, политикой—теорію устраненія, и единственной заповѣдью блаженства—проповѣдь силы: блаженны—мощные.

Лишь незадолго до войны ореолъ Вильгельма сталъ блѣднѣть и престижъ его уменьшаться. Вездѣсущіе императора стало все больше беспокоить; его чрезмерная говорливость ставила передъ страной неожиданную опасность.

И вотъ послѣ одного особенно неудачнаго интервью безобидно-ироническое отношеніе къ императору смѣнилось открытымъ движеніемъ противъ «личнаго режима».

Движеніе это отнюдь не было антимоноархическимъ. Ни одинъ голосъ за республику не поднимался даже изъ среды социаль-демократической партіи, въ программѣ которой значится республика.

Рѣчь шла лишь объ установленіи парламентской отвѣтственности правительства, о введеніи началъ парламентаризма. Движеніе было настолько умѣреннымъ, что къ нему примкнулъ до нѣкоторой степени даже тогдашній имперскій канцлеръ князь Бюловъ, который публично высказывался за необходимость регламентации отвѣтственности рейхсканцлера передъ рейхстагомъ.

Но за это онъ только поплатился своимъ постомъ. Вильгельмъ II не пожелалъ итти ни на малѣйшія уступки. Назначеніе Бетмана-Голльвега показывало, что императоръ не допуститъ умаленія своей прерогативы и попрежнему намѣренъ по всей своей волѣ, не считаясь съ рейхстагомъ, назначать, смѣнять и инструктировать министровъ.

И однако же брешь въ монархическомъ принципѣ была сдѣлана. И она постоянно расширялась. Недовѣріе къ Вильгельму, разъ зародившись, все росло. Пресыщеніе личнымъ режимомъ проявлялось все шире и смѣлѣе. Бетманъ-Голльвегъ, подъ прикрытіемъ прежнихъ лозунговъ, фактически принужденъ былъ дѣлать все новые шаги къ парламентаризму. Страна явно отвергивалась отъ благодѣяній попечительной личной власти и искала своего будущаго въ самостоятельности народа.

Оппозиція росла и въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ

государствахъ: въ Пруссіи, въ Баваріи, въ Саксоніи. При нормальныхъ условіяхъ государственной жизни положеніе для монархическаго принципа складывалось безнадежно.

И вотъ въ властолюбивой головѣ и отважномъ сердцѣ императора-викинга сложился планъ поставить страну въ такія условія, при которыхъ бы создалась потребность въ единоличной сильной власти и открылась возможность не только вернуть былой авторитетъ, но и покрыть себя новой неслыханной всемирной славой.

И началась война.

Въ этомъ и заключается колоссальная опасность дуалистической монархіи: аппаратъ войны находится въ единоличномъ распоряженіи монарха. Парламентъ безсиленъ предотвратить войну. Его контроль не простирается на военное управленіе. Оно находится всецѣло въ вѣдѣніи монарха, какъ и международныя сношенія и дипломатія. Конечно, отъ парламента зависятъ кредиты на военные расходы. Но вѣдь безответственная передъ парламентомъ дипломатія всегда можетъ создать такое положеніе, изъ котораго единственнымъ выходомъ является война. Съ другой стороны, дѣло всегда можетъ быть представлено такъ, что расходы требуются на оборону страны.

И германскій рейхстагъ, хотя и съ нѣкоторымъ нажимомъ, не останавливается передъ ассигнованіемъ все новыхъ и новыхъ миллиардовъ на усиленіе обороноспособности страны. Германія издавна и всячески, и материально, и духовно—готовилась къ войнѣ. Но можно съ увѣренностью сказать, что громадное большинство германскаго народа имѣло въ виду войну оборонительную, войну для защиты своего отечества.

Вильгельмъ II объявилъ войну наступательную, войну съ цѣлью завоеваній и порабощеній. Онъ могъ легко это сдѣлать. Весь гигантскій аппаратъ войны былъ готовъ. Рычагъ отъ этого аппарата находился въ рукахъ императора и только императора. И онъ нажалъ этотъ рычагъ, когда былъ увѣренъ, что насталъ благоприятный моментъ для блистательной побѣды и безмѣрнаго торжества Германіи. Изученіе дипломатической переписки и официальныхъ документовъ убѣждаетъ въ этомъ со всей безспорностью.

В. М. Устиновъ.

НОВОЕ МОСКОВСКОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ И МЕЛКАЯ ГОРОДСКАЯ ЕДИНИЦА.

Гражданское управленіе Москвой вступаетъ въ новый періодъ. Временный, революціонный порядокъ уступаетъ мѣсто порядку постоянному, нормальному. Съ избраніемъ, впервые на основаніи всеобщаго избирательнаго права, Городской Думы, съ организаціей перваго демократическаго городского самоуправления установился, наконецъ, постоянный, нормальный органъ мѣстной власти. Новое городское самоуправленіе принимаетъ на себя не только тѣ функціи, которыя предоставлялись Городской Думѣ и Управѣ по старому «Городовому Положенію», но и всѣ дѣла по гражданскому управленію и милиціи, сосредоточивавшіяся до сихъ поръ въ «Комиссаріатѣ Московскаго Градоначальства». Послѣдній прекращаетъ тѣмъ самымъ самостоятельное существованіе, превращаясь въ одинъ изъ отдѣловъ Городской

Управы. Мѣстное самоуправленіе въ дѣйствительности становится частью государственнаго управленія. Старья, привычныя представленія о городскомъ и земскомъ самоуправленіи, какъ о чемъ-то существенно отличномъ отъ государственнаго, привычное противопоставленіе государственной и общественной власти потеряли всякую почву. И въ этомъ, можетъ быть, одно изъ самыхъ значительныхъ приобретений, которыя внесла революція въ русскую общественную жизнь. Въдѣ въ сущности здѣсь дѣло идетъ о новомъ пониманіи самой государственной идеи, о новомъ «воспріятіи» самого государства. Рѣзкое противопоставленіе «общественности» и «государственности» при старомъ государственномъ строѣ дѣлало государство въ популярномъ сознаніи какою-то внѣшнею, постороннею и чуждою для общества, силой, наиболее наглядное воплощеніе получающей въ полицейскомъ участкѣ.

Система административнаго управленія, рѣзко обособленнаго отъ мѣстнаго самоуправленія, на практикѣ вмѣсто усиленія государственной власти порождало равнодушіе къ государственнымъ интересамъ широкихъ массъ и низкій уровень ихъ государственнаго сознанія, воспитывало тотъ анархическій уклонъ въ русской психикѣ, который такъ болѣзненно даетъ себя чувствовать въ условіяхъ русской дѣйствительности. Несостоятельное въ теории противопоставленіе государственнаго управленія и мѣстнаго самоуправления приводитъ къ опаснымъ явленіямъ и въ практическомъ примѣненіи. Наоборотъ, тотъ типъ административнаго управленія, который у насъ устанавливается и который можетъ имѣть образцомъ до нѣкоторой степени англійскую систему, даетъ плоть и кровь государственной идеѣ и приближаетъ ее къ популярному сознанію. Къ демократическому городскому самоуправленію переходятъ важнѣйшія административныя функціи, оно получаетъ значеніе мѣстнаго органа государственной власти. Внутренняя связь государственности и общественной получаетъ здѣсь наглядное, реальное проявленіе. Мѣстные, близкіе обывательскому сознанію интересы наглядно переплетаются здѣсь съ общегосударственными, и уясняется государственное значеніе самихъ этихъ мѣстныхъ интересовъ. Въ особенности важнымъ въ этомъ смыслѣ является организациія мелкой единицы, тѣхъ «участковыхъ городскихъ управленій», которыя «временныя правила» предоставляютъ учреждать Городскимъ Думамъ. Районныя организации, по идеѣ своей, имѣютъ не только то практическое значеніе, что, находясь въ непосредственной близости къ населенію, онѣ облегчаютъ выполненіе однихъ задачъ городского хозяйства и управленія и составляютъ необходимое условіе для выполненія другихъ, но и имѣютъ глубокой соціально-педагогической смыслъ. Районныя организации съ одной стороны ставятъ центральное городское управленіе въ живую и непосредственную связь съ населеніемъ, съ другой стороны, въ самомъ населеніи пробуждаютъ живой интересъ къ вопросамъ муниципальнаго и гражданскаго управленія. Здѣсь вопросы эти самымъ живымъ и непосредственнымъ образомъ сплетаются съ заботами текущаго дня обывательской жизни. Мелкая городская единица—это та первая, наиболее близкая народу ступень городского и административнаго управленія, къ участию въ которомъ онъ призванъ, и вмѣстѣ первая школа общественнаго и государственнаго воспитанія. Пульсъ

государственной жизни, связь мѣстнаго и государственнаго воспринимается здѣсь наиболее конкретно и непосредственно.

Передъ новымъ Московскимъ Городскимъ Управленіемъ въ ближайшее время предстоитъ задача организации районныхъ учреждений. По временнымъ правиламъ «Центральная Городская Дума» сама должна опредѣлить и число районовъ, кругъ тѣхъ дѣлъ, которыя будутъ подлежать вѣдѣнію «участковыхъ управленій». Къ городскому самоуправленію повидимому перейдутъ и тѣ управленія участковыхъ комиссаріатовъ, которыя возникли на мѣстѣ прежнихъ «полицейскихъ участковъ». И если высшій временный органъ административнаго управленія—комиссаріатъ Градоначальства сливается съ центральными органами городского самоуправления, то и въ предѣлахъ мелкой единицы послѣдовательно требуется установленіе той или иной связи между этими участковыми органами административнаго управленія и районными учреждениями. Кратковременная исторія революціоннаго гражданскаго управленія Москвой съ опредѣленностью поставила этотъ вопросъ: участковые комиссаріаты возникли уже въ первые дни революціи на мѣстѣ прежнихъ «полицейскихъ участковъ». На участковыхъ комиссаровъ «перваго призыва» было возложено гражданское управленіе во всемъ его объемѣ въ предѣлахъ даннаго участка. Комиссарамъ приходилось рѣшать и сложные вопросы продовольствія, и санитарнаго надзора, и собственнаго административнаго управленія.

Но уже въ самое ближайшее время самимъ же комиссаріатомъ Градоначальства были призваны къ жизни и временныя общественныя районныя организации «Районныя Думы» въ предѣлахъ cadaго участка, и тѣмъ впервые не только въ Москвѣ, но и въ Россіи была создана основа для мелкой городской единицы. Временныя и въ революціонномъ порядкѣ созданныя первыя районныя учрежденія лишь до нѣкоторой степени могли быть названы организациями мѣстнаго района самоуправления. Самый составъ Районныхъ Думъ, при отсутствіи правильно организованныхъ выборовъ по четырехчленной формулѣ, въ значительной степени являлся случайнымъ. Не имѣя ни единаго, признаннаго компетентнымъ учрежденіемъ устава, ни опредѣленныхъ, твердо установленныхъ границъ для своей дѣятельности—онѣ въ значительной мѣрѣ являлись лишь вспомогательными учрежденіями, и самое ихъ положеніе опредѣлялось болѣе всего ихъ фактическимъ вліяніемъ и работоспособностью. Но уже съ перваго времени онѣ вступили въ связь и болѣе или менѣе тѣсное взаимоотношеніе съ участковыми комиссаріатами и придали общественный характеръ самой работѣ послѣднихъ. Черезъ нихъ новое административное управленіе вступило въ живую связь съ населеніемъ. Мало-по-малу къ районнымъ организациямъ переходили тѣ функціи, которыя требовали, прежде всего, близкаго участія самого мѣстнаго населенія—продовольственное дѣло и санитарный надзоръ. Въ идеалѣ предполагалось, что съ того момента, какъ районныя учрежденія вступятъ на твердую почву и будутъ организованы на основахъ всеобщаго избирательнаго права, сами управленія участковыхъ комиссаріатовъ сольются съ районными управами. Лишь въ послѣднее время начала проявляться другая тенденція—тенденція отдѣленія и обособленія функцій Районныхъ Управъ и Комис-

сарята. Параллельно съ этимъ суживается кругъ дѣлъ, подвѣдомственныхъ комиссаріату, ограничиваясь основными функциями прежняго полицейскаго участка: внѣшніе органы (милиція) и предварительное уголовное дознание.

Предполагается, что въ ближайшее время и эта послѣдняя функция будетъ передана слѣдственной власти. Участковый комиссаръ изъ того «районнаго головы», какимъ онъ вначалѣ предполагался, превращается въ сущности въ начальника участковой милиціи. Каково будетъ взаимоотношение этого, все же доселѣ самостоятельнаго административнаго органа къ новому демократическому участковому управленію? Та система объединенія административнаго управленія съ городскимъ самоуправленіемъ, которая проводится въ центрѣ, естественно и послѣдовательно должна распространяться и на периферіи.

Было бы ненормально, если бы новыя демократическія районныя Управленія, непосредственно заинтересованныя въ охранѣ порядка въ районѣ, были бы обособлены совершенно отъ управленія участковыхъ комиссаріатовъ, а послѣдніе сохранили типъ прежнихъ участковъ. И если дѣло управленія милиціей требуетъ большей централизаціи, чѣмъ другія функции гражданскаго управленія, если поэтому центральнымъ органамъ городского управленія должно принадлежать преимущественное руководство въ этомъ дѣлѣ, то все же мелкая городская единица не можетъ быть лишена въ немъ участія. Мелкая городская единица все же должна быть въ тоже время и административной единицей. И въ настоящее тяжелое время особенно важно, чтобы вновь организующіеся районныя управленія, стоящія въ непосредственной близости къ населенію, организовали его для борьбы съ угрожающими анархическими проявленіями. Въ истинной, организованной демократіи единственное средство противъ анархіи—новое городское самоуправленіе, которому предоставлено самому разработать планъ районныхъ организацій, должно установить тѣ формы, въ которыхъ возможно было бы ихъ участіе въ организаціи государственнаго порядка.

Пр.-доц. Н. Н. Фиолетовъ.

ПО РОССИИ.

Мнѣ было предложено прочесть, начиная съ середины мая, курсы лекцій для учителей и учительницъ въ Астрахани, въ Пятигорскѣ и въ Осѣ (Пермской губерніи).

Я согласился, но здѣсь въ Москвѣ меня стали отговаривать: «По желѣзнымъ дорогамъ ѣздить нельзя, такъ какъ солдаты выкидываютъ изъ купэ и изъ вагоновъ. На пароходахъ ѣздить нельзя, такъ какъ нѣтъ буфетовъ и солдаты выкидываютъ съ пароходовъ. Въ Астрахани голодь. Въ Пятигорскѣ голодь и рѣзня».

Но я все же рискнулъ и... рѣшительно безъ всякихъ неприяностей совершилъ интереснѣйшую поѣздку.

I.

Въ поѣздѣ до Нижняго-Новгорода никто никуда не выкидывалъ меня, и я спокойно проспалъ всю ночь. На пароходахъ къ моимъ услугамъ всегда оказывались каюты, и солдаты не сдѣлали на нихъ ни одного покушенія. Отъ Царицына до Пятигорска насъ было четверо въ четырехмѣстномъ купэ, изъ Пятигор-

ска въ Царицынъ я возвращался *одинъ* въ четырехмѣстномъ купэ.

Повидимому, мнѣ что называется «везло», такъ какъ за время всѣхъ моихъ передвиженій меня повсюду сопровождали рассказы о разныхъ «ужасахъ», разыгрывавшихся то тутъ, то тамъ всего за нѣсколькихъ дней передъ тѣмъ.

И, разумѣется, ужасы случались.

Но, слѣдуетъ сказать, что поводы для стоновъ, воплей и причитаній отыскивали на каждомъ шагу и мои попутчики. Многихъ возмущало, на примѣръ, что солдаты (все они же!) забрасываютъ всю пароходную палубу окурками и подсолнечной шелухой. Другіе тяжело страдали отъ недостаточной предупредительности буфетной прислуги. Третьихъ приводили въ ярость аппетиты вокзальныхъ носильщиковъ. Однако, что во всемъ этомъ ужаснаго?

Единственная болѣе или менѣе серьезная исторія разыгралась на моихъ глазахъ въ Царицынѣ.

Здѣсь—должно-быть, подъ влияніемъ специфическаго царицынскаго воздуха—матросы нашего парохода рѣшили немедленно высадить капитана за приверженность къ старому режиму и за то, что онъ нѣмецъ. Тщетно имъ старались втолковать, что старый, заслуженный и милѣйшій командиръ не нѣмецъ, а шведъ—ни въ какія тонкости команда не пожелала вникать. Довольно того, что онъ сказалъ послѣ какой то исторіи: «если у насъ все такъ пойдетъ, то дождемся мы опять Николая».—Доло-о-ой!!!

Загалдѣли всѣ сразу, замахали передъ носомъ другъ у друга и у пассажировъ руками и, въ припадкѣ своеобразной прозорливости, понесли чушь, дѣйствительно *ужасную!* Получалось такъ, что стоило бы намъ отвалить отъ пристани, какъ такой-сякой нѣмецъ тотчасъ же во славу стараго режима... взорвалъ бы пароходъ.

— Но, вѣдь, и себя значить?—говорили матросамъ.

— Онъ такой.

— Ну, а насъ то, пассажировъ, зачѣмъ?

— Ваше дѣло сторона.

Разбирательство конфликта рѣшено было передать мѣстному совѣту солдатскихъ депутатовъ. Обратите вниманіе,—царицынскому. Члены совѣта явились, внимательнѣйшимъ образомъ всѣхъ опросили, оцѣнили капитана конвоемъ и съ красными флагами увели куда-то. Черезъ три часа обѣщали вынести рѣшеніе.

Въ антрактѣ матросы бушевали еще больше: что бы тамъ солдаты ни постановили, они капитана на палубу не пустять.—Доло-о-ой!!! И напрасно пассажиры робко упрашивали, чтобы хоть до Астрахани-то позволили ему довести пароходъ,—ни за что.

Черезъ три часа члены совѣта солдатскихъ депутатовъ возвратились и одинъ изъ нихъ поднялся на тумбу для причала.

— Привѣтъ вамъ, граждане, отъ царицынскаго... И т. д.

А вотъ и рѣшеніе: команда должна идти съ капитаномъ не только до Астрахани, но и обратно до Нижняго, такъ какъ только тамъ кончается рейсъ; къ тому времени будутъ собраны всѣ нужные матеріалы, и дѣло разберется въ Нижнемъ-Новгородѣ окончательно. И команда покорно подчинилась. (За то капитанъ самъ отказался идти съ ней и пріѣхалъ въ Астрахань уже со слѣдующимъ пароходомъ).

Послѣ, конечно, слышались матросскіе вздохи: «и что это на насъ напало? окромѣ хорошаго, ничего дурного отъ его не видали».—Такъ ужъ полагается въ подобныхъ случаяхъ.

Прибавлю, что и на всѣхъ другихъ пристаняхъ, гдѣ приходилось наблюдать дѣятельность членовъ с. с. депутатовъ, впечатлѣніе оставалось самое благопріятное: спокойно и дѣловито разсуживаютъ и провѣряютъ «товарищей», ѣдущихъ въ отпускъ, осматриваютъ паспорта у пассажировъ и арестуютъ шулеровъ и ханжистовъ. А однажды арестовали и *большевика*.

II.

Кстати о большевикахъ.

Первое время на пароходахъ, какъ и въ Москвѣ у Скобелева и Пушкина, шли сплошные митинги. Стоило разговориться на политическія темы двоимъ, какъ подходили третій, четвертый, собиралась толпа и митингъ готовъ. На палубѣ, въ корридорахъ, на кормѣ, въ пролетахъ надъ трюмомъ—всюду все время митинги и митинги. И большевизмъ царилъ. Неизмѣнно находился человѣчекъ, умѣвшій доказать, что въ войнѣ проливается кровь и тратятся народныя деньги и неизмѣнно солдаты зычнымъ хоромъ заявляли въ тонъ ему, что они «устали» и что воевать больше нельзя. Попытки нѣкоторыхъ—и мои въ томъ числѣ—нѣсколько иначе освѣтить вопросъ не приводили ни къ чему, кромѣ обвиненій въ буржуизмѣ и въ природной буржуинской слабости къ кровопіитству.

Но постепенно картина стала измѣняться.

Однажды утромъ, въ среднихъ числахъ іюня, я былъ разбуженъ митингомъ, который пристроился на палубѣ какъ разъ противъ моей каюты. Вели митингъ двое: солдатъ большевикъ и татаринъ. Солдатъ выкрикивалъ трескучія фразы о буржуазахъ и о подлцахъ торговцахъ и промышленникахъ, а татаринъ всячески старался доказать возможность честной торговли. Съ торговли полемика то и дѣло перескакивала на войну, а потомъ опять возвращалась къ старому исходному пункту. Въ числѣ слушателей былъ съ десятокъ солдатъ. И что же? Несмотря на весь обычный блескъ большевистской риторики, солдатъ-большевикъ не имѣлъ рѣшительно никакого успѣха. Зато стоило татарину сказать на своемъ ломанномъ языкѣ хоть мало-мальски удачную фразу, какъ кругомъ поднимался родостный гулъ одобренія:

— «Крыть-то, братъ, и нечѣмъ».

А въ концѣ іюня, какъ уже мною упоминалось, сами солдаты потребовали между Казанью и Нижнею Новгородомъ, чтобы одного подозрительнаго большевика ссадили и арестовали. Его ссадили и арестовали.

Въ Астрахани мнѣ и моему другу, прив. доц. Н. В. Устрялову, помимо курса, пришлось трижды выступить и съ публичными лекціями. На нихъ мы встрѣтились съ большевиками лицомъ къ лицу и вотъ завязались бои, во время которыхъ все сочувствіе аудиторіи за ничтожными исключеніями было, несомнѣнно, на нашей сторонѣ. Впрочемъ, такъ было лишь въ первые два вечера. Передъ третьимъ къ намъ со всѣхъ сторонъ стали доноситься предупрежденія, что большевики мобилизуютъ всѣ свои силы и готовятъ намъ грандіозный скандалъ. Однако все дѣло кончилось тѣмъ, что просто никто изъ нихъ не выступилъ и только у входа въ театръ наиболѣе зло-

вредный среди нихъ горько жаловался мнѣ, что я называю его большевикомъ, тогда какъ онъ не большевикъ, что это можетъ ему повредить, такъ какъ черносотенцы «теперь знаютъ, кого имъ громить». Къ сожалѣнію, то былъ офицеръ.

Вообще, какъ и всюду, большевики въ Астрахани производили жалкое впечатлѣніе.

Но еще болѣе—не скажу жалкое, но какое-то грустное впечатлѣніе оставилъ одинъ оппонентъ, явившійся на второй нашъ вечеръ, заранѣе уже восстановленный противъ насъ большевиками, (хотя самъ отнюдь не большевикъ). Блестящій ораторъ, интеллигентный и умный человѣкъ, онъ сразу рѣзко обрушился на насъ и допустилъ нѣсколько не совсѣмъ удачныхъ выпадовъ и противъ Устрялова, и противъ меня. Намъ ничего не оставалось, какъ дать ему безпощадную отвѣдь, что мы и сдѣлали. И тогда вдругъ произошло нѣчто неожиданное: уже не тономъ вражды и задора, а тономъ объясненія и самооправданія,—обращаясь только къ намъ двоимъ,—нашъ оппонентъ сталъ раскрывать передъ нами причины, въ силу которыхъ онъ и его товарищи по партіи оказывались вынужденными говорить языкомъ демагоговъ и вести себя не такъ, какъ хотѣли бы. *Иначе ихъ не послушали бы массы и не пошли бы за ними и въ городъ получилось бы Богъ знаетъ что*. Чувствовалось, что человѣкъ переживаетъ серьезную нравственную драму и что онъ искренно страдаетъ. Сквозь мутную пелену однотонныхъ митинговыхъ фразъ вдругъ вырвалась наружу и засверкала чистыми лучами живая, чуткая душа,—послышался голосъ горячей любви къ родинѣ, страхъ за родину,—увидѣлось то, что хотѣлось бы видѣть въ каждомъ. И стало досадно, что мы встрѣтились, какъ враги, тогда какъ, въ сущности, дѣлаемъ одно и то же дѣло и стремимся къ одной и той же прекрасной цѣли.

Но нравственная и политическая проблема все же остается: права ли та часть нашей интеллигенціи, которая сочла себя обязанной покорно плыть по теченію, услужливо льстить моменту и трѣбовать завѣдомо невозможнаго? На этомъ строились и строятся всѣ «приказы № 1», а мы теперь слишкомъ хорошо знаемъ, къ сожалѣнію, къ чему приводятъ такіе приказы. И если все же необходимо было поступать такъ въ самые первые дни революціи, то не пора ли давнымъ давно опомниться и обнаружить твердость характера? Отвлекаясь нѣсколько въ сторону, не могу не сказать, что положительно на каждомъ шагѣ встрѣчаются теперь люди, которые сами не вѣрятъ въ свои ультра-крайніе лозунги, и которые провозглашаютъ ихъ лишь «въ тактическихъ цѣляхъ». Если снова вспомнить объ «ужасахъ», то вотъ гдѣ *истинный ужасъ!* Въ священные дни, когда новая правда должна воцариться въ странѣ, жрецы этой правды занимаются тѣмъ, что лгутъ себѣ, другъ другу, всѣмъ. О, какъ всѣ жрецы похожи одинъ на другого! О, какъ дорого приходится платить непосвященнымъ за удовольствіе послушать заклинанія жрецовъ!

III.

Теперь нѣсколько словъ о самихъ курсахъ.

Не только по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, но и на основаніи словъ другихъ лекторовъ, съ которыми я встрѣчался во время моего турнэ, могу сказать,

что они дают громадное удовлетворение. 200, 300, 500 слушателей, и преимущественно слушательниц, жадно схватывают каждое слово, сознавая, что это то, съ чѣмъ необходимо будетъ жить потомъ, въ чемъ придется отчитываться передъ деревней. Въ теченіе цѣлыхъ недѣль, по 6—8 часовъ въ день, иногда при нестерпимой жарѣ, усталые за долгій учебный годъ труженики терпѣливо сидятъ въ аудитории и старательно напрягаютъ всѣ свои духовныя силы, какъ, быть можетъ, никогда раньше. Развѣ это легко? Лекции даютъ слишкомъ много новаго и непривычнаго; въ короткое время лекторъ стремится рассказать какъ можно больше; не успѣетъ перевариться одно, какъ слѣдующій лекторъ приноситъ массу другого. И все-таки энергія слушателей никогда не ослабѣвала сколько-нибудь замѣтнымъ образомъ...

Послѣ лекцій на кафедру обычно посылались записки, на которыя приходилось давать подробныя объясненія. Записки эти неизмѣнно обнаруживали живѣйшій интересъ аудитории ко всѣмъ жгучимъ вопросамъ современности, а иногда и достаточную освѣдомленность въ нихъ. Бесѣды по поводу записокъ иногда затягивались на долгіе часы (Пятигорскъ) и продолжались разбившимися на группы слушателями послѣ того, какъ лекторъ уже ушелъ. Тамъ, гдѣ приходилось читать во вопросамъ международной политики особенно интересовалъ аудиторию Константинополь и Дарданеллы. Если уже читалось государственное право, то обычно обращались съ требованіями раскрыть программы партій и за эти лекции особенно благодарили. Деревня, оказывается, требуетъ отъ учителей, чтобы они имѣли «растолковали партіи». Попытки приглашать партійныхъ ораторовъ, чтобы каждый рассказывалъ о своей партіи, повидимому, успѣха не имѣли: у слушателей оставался въ ушахъ и въ головахъ сплошной сумбуръ, такъ какъ выходило одно изъ двухъ: или то, что всѣ партіи очень хороши или то, что всѣ они никуда не годятся.

Въ заключеніе, невольно хочется сказать всѣмъ товарищамъ по университетской работѣ.

— Не отказывайтесь ѣхать въ провинцію и читать тамъ отдѣльныя лекціи, а тѣмъ болѣе курсы. Провинція жаждетъ знанія и должна его получить. Раскаиваться не будете. У васъ стануть просить позволенія гектографскимъ или печатнымъ способомъ распространить ваши лекціи, такъ какъ онѣ записаны «почти слово въ слово». Вамъ будутъ присылать искреннія сердечныя записки съ благодарностью за то, что вы «раскрыли свѣтъ». Васъ будутъ звать прѣхать опять. Вы встрѣтите много-много хорошихъ, милыхъ, сердечныхъ людей, съ которыми у васъ такъ много общаго и которые такъ скоро становятся дороги вамъ. Если вы нѣсколько честолюбивы, то и для честолюбія пищи сколько угодно. На прощанье вамъ поднесутъ нѣсколько букетовъ, скажутъ такую теплую рѣчь, что вы невольно подумаете—«ужъ не сдѣлалъ ли я и въ самомъ дѣлѣ что-нибудь великое»? Наконецъ, большой дружной семьей васъ пойдутъ провожать на пристань, забросаютъ цвѣтами и, когда пароходъ станеть отходить, хоромъ прекрасныхъ голосовъ споютъ вамъ—какъ въ Осѣ—вашу любимую пѣсню. И пока вы не отѣдете далеко-далеко, пока суетливый шумъ пароходныхъ колесъ не вытѣснитъ всѣ остальные звуки, пѣсня все будетъ слышаться...

Привѣтъ вамъ, дорогія слушатели и друзья!

Прив. доц. Ю. Ключниковъ.

ВНѢШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ МОМЕНТЪ.

Трудно даже обрисовать тѣ широкія возможности, которыя открылись для дѣла внѣшкольнаго образованія послѣ паденія самодержавнаго строя. Отпали безчисленные запреты, удачно достигавшіе своей цѣли,—держать великій народъ съ живымъ пытливымъ умомъ въ искусственно созданномъ и поддерживаемомъ невѣжествѣ. Огромное мѣсто занялъ бы перечень направленныхъ къ этому мѣрѣ, теперь сразу потерявшихъ силу. Теперь можно безпрепятственно открывать народныя библіотеки, снабжать ихъ любой литературой, свободно печатать политическую литературу, предназначенную для широкаго распространенія, организовывать всевозможныя лекціи, вечерніе курсы, открывать общества, имѣющія цѣлью поднятіе образовательнаго и культурнаго уровня,—словомъ открыть безграничный просторъ для просвѣтительной дѣятельности. Тѣ задачи, которыя эта дѣятельность преслѣдуетъ, и тѣ пути, которыми она пользуется, могутъ быть объединены однимъ общимъ понятіемъ внѣшкольнаго образованія. Но сейчасъ общая задача внѣшкольнаго образованія,—распространеніе минимума знаній, необходимаго для достиженія современнаго уровня культуры и стремленіе къ созданію гармонически развитой нравственной личности,—эта благородная и вѣчная задача сейчасъ отодвинута на второй планъ неотложными нуждами политическаго момента. Предстоящія великія преобразованія, созывъ Учредительнаго Собранія, водворотъ событій, требующихъ отъ всѣхъ безъ исключенія гражданъ извѣстнаго минимума политическихъ знаній и глубокаго сознанія своего гражданскаго и нравственнаго долга,—все это дѣлаетъ неотложнымъ поставить на первый планъ задачу немедленнаго и широкаго распространенія начальныхъ политическихъ, историческихъ и экономическихъ знаній. Малый процентъ грамотности дѣлаетъ эту задачу еще болѣе трудной и еще болѣе неотложной. Поэтому изученіе всѣхъ методовъ внѣшкольнаго образованія и постановки его въ западныхъ странахъ, а также широкая теоретическая и практическая разработка всѣхъ его приемовъ является очередной задачей, какъ для педагоговъ, такъ и для работниковъ, посвятившихъ себя культурно-просвѣтительной дѣятельности въ сферѣ политической.

Первое орудіе просвѣщенія, необходимое для всѣхъ видовъ культурной работы,—это печать. Быть элементарнымъ учебникомъ, легкимъ для усвоенія и удобнымъ по малому формату для самаго широкаго распространенія,—назначеніе брошюры. Но очень небольшое количество брошюръ, предназначенныхъ для народа и посвященныхъ политикѣ, экономикѣ и исторіи, удовлетворяютъ этому назначенію. Часть ихъ не удовлетворяютъ требованію объективности, преслѣдуя цѣли чисто агитационныя, часть ихъ недостаточно доступна для массы полуграмотнаго населенія, часть ихъ написана людьми недостаточно знающими то, о чемъ они пишутъ, часть ихъ—продуктъ литераторской и издательской спекуляціи и погони за вновь открывшимся большимъ рынкомъ. И въ результатѣ наблюдается странное явленіе: на ряду съ избыткомъ малоудовлетворительныхъ брошюръ, забившихъ и почти переполнившихъ рынокъ, наблюдается, въ особенности

въ провинции, по точнымъ свѣдѣніямъ изъ кооперативныхъ и земскихъ круговъ, большой недостатокъ въ простыхъ и хорошихъ брошюрахъ, которыя должны бы были быть изданы въ многомилліонномъ количествѣ экземпляровъ для того, чтобы удовлетворить потребности населенія. Необходимо, чтобы компетентныя, обладающія научными силами просвѣтительныя учрежденія издали рядъ цикловъ брошюръ, элементарныхъ учебниковъ и книгъ, посвященныхъ всѣмъ необходимымъ отраслямъ знаний. При этомъ было бы цѣлесообразно, чтобы связныя серіи брошюръ, знакомящія съ элементарными понятіями, сопровождались бы изданными по тѣмъ же вопросамъ книгами болѣе серьезнаго содержанія, рассчитанными на спросъ со стороны инструкторовъ и круга читателей, желающихъ пойти дальше брошюрной литературы. Не будемъ останавливаться на необходимости изданія безпартийныхъ газетъ и журналовъ, предназначенныхъ для широкихъ массъ, а укажемъ только на крайнюю желательность возникновенія печатнаго органа, всецѣло посвященнаго культурно-просвѣтительной работѣ обладающаго полной информацией, который могъ бы идейно объединять и координировать работу на мѣстахъ. Было бы крайне важнымъ давать тамъ полную библиографію просвѣтительной литературы, въ виду того, что появляющіяся критическія замѣтки часто отличаются партийностью, недостаточной объективностью и носятъ отпечатокъ большой торопливости.

При малограмотности населенія огромную роль должны были бы сыграть лекціи, знакомящія население съ политической азбукой. Но первымъ препятствіемъ является очень малое, по сравнению съ потребностью количество лекторовъ. Лекціи сравнительно легко могутъ быть устроены въ крупныхъ центрахъ и въ армии; гораздо труднѣе организовать лекціи для сельскаго населенія, для чего необходимо дѣятельное участие мѣстныхъ организацій. Первымъ шагомъ къ устройству лекцій и чтеній для народа является организація, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ, инструкторскихъ курсовъ для лекторовъ. При этомъ планъ работы курсовъ, темы, программы и подробные конспекты лекцій должны были бы быть намѣчены центромъ, координирующимъ всю культурно-просвѣтительную работу въ странѣ.

Просвѣтительная дѣятельность можетъ быть широко поставлена только при наличности огромнаго количества просвѣтительныхъ организацій на мѣстахъ. Съ каждымъ днемъ возникаютъ десятки посвященныхъ этой дѣятельности учрежденій: при всевозможныхъ общественныхъ организаціяхъ—при совѣтахъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, при всевозможныхъ союзахъ и обществахъ, при городахъ, земствахъ и, часто, волостяхъ организуются культурно-просвѣтительныя комиссіи. Образуются также многочисленныя самостоятельныя просвѣтительныя кружки, общества и лиги. Съ этихъ учрежденій понемногу—пока еще къ сожалѣнію неравномѣрно—начинаетъ покрывать всю страну. Не нужно доказывать огромной необходимости связи между этими учрежденіями. И это снова подчеркиваетъ необходимость созданія центральной организаціи, которая направляла бы и координировала всю культурно-просвѣтительную работу страны. Было бы весьма естественнымъ, если такой объединяющей дѣятельности по внѣшкольному образованію центръ возникъ бы при министерствѣ народнаго просвѣщенія. Но общественная инициатива

не должна дожидаться помощи и содѣйствія со стороны государства. Нужно теперь же всѣми мѣрами устанавливать идейную связь между всѣми просвѣтительными ячейками. Нужно собирать о нихъ свѣдѣнія, оказывать имъ общественную поддержку, привлекать къ ихъ работѣ всѣ культурные слои общества. А для представителей науки очередной задачей является, повторимъ еще разъ, теоретическая разработка и практическое изученіе вопроса о внѣшкольномъ образованіи у насъ и на Западѣ.

Б. Савиничъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новое Временное Правительство и его задачи.—Обращеніе А. Ф. Керенскаго къ населенію.—«Единая власть» и «контроль совѣтовъ».—Оборона страны и ея внутреннее положеніе.

Правительственный кризисъ закончился. Въ составъ Временнаго Правительства вошли: министръ-предсѣдатель и военный и морской министръ А. Ф. Керенскій, замѣститель министра-предсѣдателя и опъ же министръ финансовъ Н. В. Некрасовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Н. Д. Авксентьевъ, министръ иностранныхъ дѣлъ М. И. Терещенко, министръ торговли и промышленности С. Н. Прокоповичъ, министръ труда М. И. Скобелевъ, министръ продовольствія А. В. Пѣшеховъ, министръ земледѣлія В. М. Черновъ, министръ почтъ и телеграфовъ А. М. Никитинъ, министръ народнаго просвѣщенія С. Ф. Ольденбургъ, министръ юстиціи А. С. Зарудный, министръ государственнаго призрѣнія И. Н. Ефремовъ, государственный контролеръ Ф. Ф. Кокошкинъ, министръ путей сообщенія П. П. Юреневъ, оберъ-прокуроръ синода А. В. Карташевъ, управляющій министерствомъ финансовъ проф. М. В. Бернацкій, управляющій военнымъ министерствомъ Б. В. Савинковъ и управляющій морскимъ министерствомъ В. И. Лебедевъ. Министерство состоитъ почти изъ одинаковаго числа министровъ-соціалистовъ и министровъ-несоціалистовъ. Формально Временное Правительство будетъ коалиціоннымъ: въ его составъ входятъ представители с.-д., с.-р., к.-д., рес.-рад. партіи и прогрессистовъ. Но и съ формальной стороны есть изьяны: въ составѣ Временнаго Правительства нѣтъ представителей промышленнаго класса. Еще больше дефектовъ въ конструкціи кабинета по существу. Коалиція есть соглашеніе, для ея существованія необходимо принятіе единой общей программы дѣятельности. Состоялось ли такое соглашеніе и на какой программѣ, пока остается неизвѣстнымъ. Мы имѣемъ заявленія разныхъ партій и общественныхъ группъ о готовности поддержать Временное Правительство, обращеніе къ населенію министра-предсѣдателя новаго коалиціоннаго министерства А. Ф. Керенскаго, касающееся преимущественно государственной обороны, заявленія и бесѣды отдѣльныхъ министровъ о нѣкоторыхъ сторонахъ предстоящей ихъ дѣятельности, но мы не имѣемъ общей программы министерства, которая содержала бы отвѣты по всѣмъ наболѣвшимъ и острымъ вопросамъ переживаемаго момента. Между тѣмъ отъ удовлетворительнаго разрѣшенія этихъ вопросовъ—о войнѣ, о борьбѣ съ анархіей, объ устраненіи внутренней разрухи и пр. зависитъ судьба страны, эти вопросы создавали правительственные кризисы и они должны

получить безотлагательное и вполне определенное решение.

В программном отношении к правительству предъявлены по существу разные и далеко не согласные между собою требования. Петроградский совет рабочих депутатов и соединенное заседание исполнительных комитетов советов р., с. и кр. депутатов требуют, чтобы Временное Правительство оставалось на почве декларации 8 июля, принятой до вступления в министерство новых министров-социалистов, требуют, чтобы правительство в своей деятельности внутри страны и на фронте опиралось «на органы революционной демократии». Все советы, все армейские и флотские организации призываются стоять «на страже страны и революции». Не допускается чтобы «борьба власти с анархическими эксцессами вырождавшаяся в борьбу с целыми политическими течениями». Ни для кого не тайна, что скрывается под этим требованием: советы защищают большевизм от преследования правительства. Но, если раньше можно было еще говорить о виновности отдельных членов названной партии, а всю в целом большевистскую фракцию не считать солидарной с петроградским возмущением и антивоенной агитацией на фронте, то теперь, после съезда большевистских и интернационалистских организаций, одобрявшего тактику большевиков центрального комитета в отношении к событиям 3—5 июля, это становится совершенно невозможным. Требования советов тем же, как и раньше, предъявлялись до образования последнего коалиционного министерства, изменился только тон этих требований, но не изменилось их существо. В лучшем случае, — это только вооруженное перемирие, но не соглашение относительно совместной работы, не объединение, хотя бы и временное, на определенной программе.

Революционные организации желают, чтобы курс правительственной деятельности был определенно партийный, прочие группы, давшие свое представление во Временное Правительство, ставят задачей правительства выполнение общенациональных требований, и как сложится взаимоотношение этих требований во Временном Правительстве, пока представляется далеко не ясным.

Пока мы имеем лишь одно официальное заявление Временного Правительства, это обращение министра-председателя к населению. Оно зовет граждан к объединению в великом жертвенном подвиге для создания новой свободной России, но в нем нет ответов на многие вопросы, нет определенного отношения к предъявленным требованиям, нет указания на ту договорность, которая одна только может лежать в основе сотрудничества всех живых сил страны.

Вот это «обращение»:

«В тяжелую для родины годину преобразованное Временное Правительство будет нести бремя верховной власти.

Наступление врага на фронт при глубоком нестроении внутри государства угрожает самому существованию России. Только небывалыми героическими усилиями может быть спасена родина. Только железной властью в суровых условиях военной необходимости и самоотверженным порывом самого народа может быть выкована грозная и созидательная

государственная мощь, которая очистит родную землю от неприятеля и привлечет к великой работе организованного строительства все живые силы страны на дело ее возрождения.

Исполненное сознанием священного долга перед отечеством, правительство не остановится ни перед какими трудностями и препятствиями для достойного чести великого народа завершения борьбы, от исхода которой зависит будущее России. В стремлении использовать ради этой цели все жизненные источники страны, оно будет выполнять необходимые меры организации государства, следуя неуклонно ранее возвышенным им началам.

Приступая к этой работе, Временное Правительство черпает силы в уверенности, что оно встретит мощную поддержку в разуме всех народов России. Правительство уверит, что вся непобедимая мощь революции будет обращена на дело спасения России и восстановления ее поруганной предательством, малодушием и презренной трусостью чести. Правительство уверено, что в исторической часе, когда решаются судьбы родины, русские граждане забудут перед лицом неприятеля разделяющие их споры, объединятся в великом жертвенном подвиге, встретят грядущие испытания с мужественным решением преодолеть их.

Перед таким единением не страшны будут ни внешний враг, ни внутренняя разруха. Свобода, спаянная национальным единством и воодушевлением, не может быть победена. Русский народ пронесет ее сквозь кровь и страдания к светлому будущему созидательству на пользу всего человечества, новой свободной великой России».

Правительство призывает к объединению, и призыв этот должен быть услышан, ему должна быть оказана поддержка широких слоев населения, но правительство должно отрешиться от выполнения узко-партийных требований и встать на пути удовлетворения общенациональных задач, диктуемых переживаемым моментом.

«Родина в опасности» — это в равной степени обязывает все партии и общественные организации к иной политике, чем какой держались доселе. Недопустима диктатура одного только класса, необходимо национальное объединение, нужно удовлетворение общенациональных требований, а не классовых вождельств; правительство должно обладать решительной властью, должно быть «единой властью», с чем несовместим никакой «контроль» советов над деятельностью правительства. Временное Правительство должно быть правительством национальной обороны, должно устранять без замедления и без колебаний все препятствия, мешающие основной его цели.

«Если контр-революция поднимает голову, Временное Правительство обязано ответить на это арестами. Если нужно принудительное обложение капиталов, введение принудительного займа, контроля над промышленностью и т. д., правительство обязано это сделать и торгово-промышленный класс обязан не только за страх, но и за совесть подчиниться. Если для спасения страны и революции необходимо увеличение числа рабочих часов, правительство обязано это сделать, и рабочий класс обязан идти на эту жертву. На саботаже, на нерадении, на бойкоте

со стороны послѣднихъ правительство должно отвѣтить репрессіями и принудительными мѣрами. Если помѣщики не убираютъ хлѣба, онъ долженъ быть конфискованъ и убранъ государствомъ. Мы идемъ дальше. Если захваты земель грозятъ конфликтами въ средѣ самого крестьянства, если они угрожаютъ странѣ голодомъ, если увѣщанія здѣсь не дѣйствуютъ, правительство можетъ и здѣсь обращаться къ принудительнымъ мѣрамъ. И такъ повсюду. Во всѣхъ областяхъ жизни страны. Развинченный механизмъ государства долженъ быть восстановленъ. Центробѣжнымъ силамъ больше нѣтъ мѣста. Вся страна должна быть готова на жертвы и на лишения».

Передъ правительствомъ громадныя задачи, сводящіяся къ «спасенію отечества». Дезорганизация народно-хозяйственной жизни возросла и достигла небывалыхъ размѣровъ. Армія разваливается, бѣжитъ и открываетъ двери страны иностранному вторженію. Странѣ грозитъ финансовый кризисъ. Продовольственное дѣло не налажено. Аграрныя отношенія еще болѣе осложнились. Въ общественной дѣятельности на мѣстахъ—произволь. Сепаратизмъ провинцій грозитъ Россіи распадомъ. Со всѣмъ эгимъ нужна борьба, нужна творческая созидательная работа. Прежде всего оборона страны. Къ ней призываетъ Временное Правительство. Армія, не воодушевленная никакой общественной идеей, не скованная никакой дисциплиной, охваченная пропагандой гражданской войны,—не армія, а скопище вооруженныхъ людей, представляющихъ лишь громадную опасность для государства. Необходимо возсоздать армію, и правительство, какъ обѣщало, не должно «остановиться ни передъ какими трудностями и препятствіями для достойнаго чести великаго народа завершения борьбы, отъ исхода которой зависитъ будущее Россіи». Первой задачей на этомъ пути, какъ сказалъ Б. В. Савинковъ, является восстановление въ арміи желѣзной дисциплины. Если неудовлетворителенъ высшій командный составъ, онъ долженъ быть замѣненъ. Необходима «желѣзная дисциплина» и въ тыловыхъ частяхъ, пополняющихъ армію. Необходимо, какъ указано въ особомъ совѣщаніи по оборонѣ, обезпеченіе непрерывности хода работъ и усиленія производительности на заводахъ, фабрикахъ и торгово-промышленныхъ предприятияхъ, имѣющихъ важное значеніе для снабженія арміи и флота. Важно также, задуманное въ партійныхъ и общественныхъ организаціяхъ, привлеченіе вниманія къ вопросамъ обороны страны и напряженіе всѣхъ силъ демократіи въ этомъ направленіи.

На происходившемъ недавно съѣздѣ партіи к.-д., бывший министръ финансовъ А. И. Шингаревъ обрисовалъ крайне тяжелое финансовое положеніе Россіи. Старое правительство оставило совершенно разстроенное финансовое хозяйство. Революція обострила чувство права на повышеніе заработка и мало воспитала гражданское чувство ответственности. Платежи налоговъ приостановились. Вѣ требовали себѣ прибавокъ.

«Прибавки росли съ головокружительной быстротой, и почти съ такой же быстротой падали поступленія въ казну. Демократическія массы, получившія возможность вліять на власть и претендовавшія на власть, въ первую очередь нанесли непоправимый ударъ финансамъ государства. Въ первые дни революціи бумажный станокъ печаталъ 18 милл. рублей

въ день, въ серединѣ мая печаталось 35 милл. рублей въ день, но и этого не хватало. Прибавка почтово-телеграфнымъ чинамъ составила около 60 милл. руб., а черезъ мѣсяць эти служащіе потребовали новой прибавки на 105 милліоновъ. Между тѣмъ весь доходъ почтово-телеграфнаго вѣдомства равняется 60-ти милліонамъ. Страна, такимъ образомъ, приплачиваетъ за безобразное отсутствіе всякой почты 100 слишкомъ милліоновъ рублей. Желѣзнодорожная прибавка поглощаетъ 350 милліоновъ, жалованье солдатамъ—500 милліоновъ, и т. д. Тотъ ужасный ядъ бумажныхъ денегъ, который съ такой суровостью осуждался представителями демократіи въ Г. Думѣ,—этотъ ядъ полными чашами они стали пить сами въ моментъ, когда явились почти полными хозяевами своей судьбы. Въ настоящее время ежедневно печатаются 55 милл. рублей».

Сказанное А. И. Шингаревымъ вполне совпадаетъ съ недавнимъ сообщеніемъ Н. В. Некрасова и проф. М. В. Бернацкаго. Они такъ же указали на вредное вліяніе непрерывныхъ требованій объ увеличеніи оплаты всякихъ видовъ труда на наше финансовое положеніе: требованія эти не сопровождались возростаніемъ производительности труда и расширеніемъ торговаго рынка, а вели только къ усиленной работѣ печатнаго станка по выпуску бумажныхъ денегъ. Министерство намѣрено приступить къ высокому обложенію имущественныхъ классовъ, но «для всякой налоговой безпощадности, какъ указываютъ названные представители Временнаго Правительства, имѣется естественный предѣлъ: за извѣстной гранью она убиваетъ источникъ средствъ, останавливая работу производительныхъ силъ». Русская промышленность не должна быть убита, а должна найти поддержку, какъ важный факторъ народно-хозяйственной жизни.

Требуетъ столь же большаго вниманія продовольственное дѣло. Его положеніе грозно. Передъ страной перспектива громадныхъ продовольственныхъ затрудненій. Выходомъ можетъ служить только широкое примѣненіе принциповъ государственной монополизации всѣхъ отраслей хозяйства. Къ этому дѣлу должны быть привлечены не партійныя и не узко-классовыя организаціи, а органы правительства, объединяющіе мѣстныя общественныя силы. Здѣсь не мѣсто захватамъ и насиліямъ, здѣсь необходимо планомерное государственное регулированіе, а такое регулированіе возможно только въ рукахъ сильной власти, чуждой партійныхъ и узко-классовыхъ стремленій. Въ связи съ продовольственнымъ дѣломъ должна быть и вполне опредѣленная аграрная политика правительства. Аграрный вопросъ, во всей его полнотѣ, будетъ разрѣшаться въ Учредительномъ Собраніи, а до того времени необходима политика, направленная къ поддержанію сельскаго хозяйства и на рѣшительную борьбу противъ земельныхъ захватовъ. Страна ждетъ такихъ именно мѣръ. Предрѣшеніе воли Учредительнаго Собранія только осложняетъ аграрный вопросъ и тяжело отражается на сельскомъ хозяйствѣ. Оно не даетъ избавленія отъ опасностей голода и не устраняетъ финансоваго кризиса.

Н. Иорданскій.

ХРОНИКА ПРОСВѢТИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ. СОВѢТЪ ВСЕРОССИЙСКИХЪ КООПЕРАТИВНЫХЪ СЪѢЗДОВЪ.

Совѣтъ Всероссийскихъ Кооперативныхъ Съѣздовъ приступилъ къ организации культурно-просвѣтительнаго подотдѣла; онъ составляетъ часть образовательнаго отдѣла, дѣлью котораго является разработка общихъ вопросовъ образования, имѣющихъ отношеніе къ кооперации, и руководство культурно-просвѣтительною дѣятельностью кооперации. Культурно-просвѣтительный подотдѣлъ ставитъ себѣ слѣдующія основныя задачи: а) общія руководящія указанія въ области культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперации Россіи; б) разработку отдельныхъ вопросовъ, стоящихъ предъ кооперацией въ этой области, и методовъ осуществления культурно-просвѣтительныхъ мѣропріятій; в) обслуживаніе тѣхъ интересовъ кооперации въ культурно-просвѣтительномъ дѣлѣ, для удовлетворенія которыхъ требуются центральныя, хорошо оборудованныя учреждения. Въ первую очередь культурно-просвѣтительный подотдѣлъ намѣтилъ къ осуществленію слѣдующія мѣропріятія: статистически учетъ культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперации; справочно-консультационная дѣятельность подотдѣла имѣетъ въ виду самое полное обслуживаніе кооперативныхъ союзовъ дачею имъ исчерпывающихъ свѣдѣній, различнаго рода справокъ, указаній и совѣтовъ по всѣмъ вопросамъ внѣшкольнаго народнаго образования, возникающимъ, какъ при

разработкѣ и осуществленіи общей программы культурно-просвѣтительныхъ мѣропріятій, такъ и при организаци и проведеніи каждаго изъ нихъ въ жизнь; составленіе списковъ наиболѣе рекомендуемой литературы по всѣмъ главнѣйшимъ вопросамъ текущаго момента и широкое распространеніе ихъ на мѣстахъ; посредничество между кооперативными организациями и государственными учреждениями по вопросамъ внѣшкольнаго народнаго образования; въ дальнѣйшемъ въ задачи подотдѣла войдутъ изданія: а) журнала по вопросамъ культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперации, руководящаго и освѣдомительнаго характера, б) бюллетеней, в) ежегодныхъ и периодическихъ обзоровъ общаго положенія культурно-просвѣтительной дѣятельности кооперации Россіи, г) картограммъ и диаграммъ, наглядно ознакомляющихъ со степенью развитія и характеромъ направленія культурно-просвѣтительной дѣятельности всей кооперации, е) плакатовъ и др. Таковы тѣ мѣропріятія, которыя подотдѣлъ включаетъ въ кругъ своихъ задачъ. Культурно-просвѣтительную дѣятельность кооперации въ будущемъ необходимо разграничить съ такою же дѣятельностью новаго демократическаго земства, но она также должна быть велика. Культурная отсталость широкихъ массъ населенія можетъ явиться серьезной угрозой не только кооперации, но и всему новому строю свободной Россіи. Вотъ почему кооперации въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, необходимо объединить и согласовать свою культурно-просвѣтительную работу съ низу до верху, отъ отдѣльныхъ кооперативовъ до центральныхъ ихъ организаций.

Московская Просвѣтительная Комиссія.

БРОШЮРЫ:

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

1. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Новѣйшая республиканская конституція (Португалья). Ц. 40 к.
2. ПР.-ДОЦ. Н. П. АНУФРИЕВЪ. Два русскихъ учредительныхъ собраній (1613 и 1917 гг.). Ц. 30 к.
3. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Народъ и классы въ русской революціи. Ц. 25 к.
4. Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Возможна ли социальная революція? Ц. 30 к.
5. Е. БОРИСОВЪ. Гражданинъ и обыватель. Ц. 30 к.
6. А. ОГИНЪ. Демократическая организація арміи. Ц. 30 к.
7. ПРОФ. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Что такое социализмъ?
8. ПРОФ. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Анархизмъ.
9. В. Г. ГРЕЧЕВЪ. Государство и церковь въ смутное время.
10. ПР.-ДОЦ. С. Ф. КЕЧЕКЪЯНЪ. Что такое свобода.
11. ПРОФ. Е. В. СПЕКТОРСКІЙ. Что такое конституція.
12. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Власть народа.
13. ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Михаилъ Бакуининъ и современный „большевиизмъ“.
14. ПРОФ. А. С. ЯЩЕНКО. Что такое федеративная республика и желательна ли она для Россіи.
15. ПР.-ДОЦ. Н. Н. ФИОЛЕТОВЪ. Церковь и государство. Ц. 30 к.
16. БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Вѣзда о войнѣ. Ц. 30 к.
17. ПРОФ. А. А. СОВОЛЕВЪ. Земельный вопросъ. Ц. 25 к.
18. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Пропорціональные выборы.
19. ПРОФ. А. А. РОЖДЕСТВЕНСКІЙ. Что нужно знать каждому русскому гражданину объ учредительномъ собраніи.
20. ПРОФ. В. М. УСТИНОВЪ. Монархія и республика.
21. А. ПОЙМИНОВЪ. Единая и нераздѣльная Россія.
22. Н. Ф. БѢЗЕРСКІЙ. „Чего хотимъ пѣмцы и чего хотимъ мы съ союзниками“.
23. ВЛ. ОСТРОВСКІЙ. Прямое народное законодательство. Ц. 30 к.

Адресъ конторы издательства: Москва, В. Дмитровка, 13, кв. 18. Тел. 2-39-96

Московская Просвѣтительная Комиссія.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„НАРОДОПРАВСТВО“.

Содержаніе перваго номера:

Н. А. БЕРДЯЕВЪ. Свободный народъ.—ГЕОРГІЙ ЧУЛКОВЪ. Хмель.—Проф. Н. Н. АЛЕКСѢЕВЪ. Буржуазія.—БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ. Мы, военные...—Проф. Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВЪ. Любовь и ненависть въ социальной жизни.—А. ПОЙМИНОВЪ. Патриотизмъ французской революціи.—Гр. АЛЕКСѢЙ Н. ТОЛСТОЙ. Изъ записной книжки.—Проф. М. И. ФРИДМАНЪ. Сущность финансоваго вопроса.—Н. М. ЮРДАНСКІЙ. Внутреннее обозрѣніе.—БОРИСЪ КРЕМНЕВЪ. Наступленіе.—Н. Н. Международное положеніе.—НАРОДОПРАВЕЦЪ. Среди книгъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

На одинъ мѣсяць—1 руб. 20 коп., на три мѣсяца—3 руб.

Цѣна отдѣльнаго номера—30 коп.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ:

Бол. Дмитровка, д. 13 (ходъ съ переулка), кв. 18. Тел. 2-39-96.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ:

Солянка, д. 1, кв. 88. Телеф. 3-97-14.

Въ издательствѣ Московской Просвѣтительной Комиссіи готовится къ печати наглядный атласъ съ объяснительнымъ текстомъ:

„Что такое аннексія и самосредѣленіе народностей“.

Редакторъ: Г. И. Чулковъ. Издатель: Московская Просвѣтительная Комиссія при Временномъ Комитетѣ Государственной Думы.

Типографія Товарищества Рябушинскихъ, Страстной бульваръ, Путинковскій пер., соб. домъ.